

**Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курганский государственный университет»**

Е.И. Тишкина

**ЭЛИТАРНОСТЬ И МАССОВОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ
БИНАРНЫХ СОПРЯЖЕННЫХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЙ
В КУЛЬТУРЕ**

Монография

Курган 2014

УДК 130.2
ББК 71.022.2
Т47

Рецензенты

Л.Г. Скульмовская, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института сервиса и социально-культурных коммуникаций ФГБОУ ВПО «Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий»;

А.В. Медведев, доктор философских наук, профессор кафедры «Культурология и социально-культурная деятельность» Института гуманитарных наук и искусств УрФУ.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Тишкина Е.И. Элитарность и массовость: к проблеме бинарных сопряженных дифференциаций в культуре: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. 92 с.

ISBN 978-5-4217-0287-0

УДК 130.2
ББК 71.022.2

© Курганский
государственный
университет, 2014
© Тишкина Е.И., 2014

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Элитарность и массовость как проявление функциональной асимметрии культуры	10
1.1 Принципы формирования дифференциаций элитарности и массовости.....	10
1.2 Функциональное распределение подсистем элитарности и массовости.....	18
1.3 От новации к экс-новации: эволюция системных новаций в пространстве культуры.....	27
1.4 Проблема доминантности дифференциаций	37
Глава 2. Соотношение подсистем элитарности и массовости в истории западноевропейской культуры.....	42
2.1 Элитарность и массовость как факторы формирования античной культуры.....	42
2.2 Культура западноевропейского средневековья.....	52
2.3 От Возрождения к Новому времени	62
2.4 Массовая культура как новая модификация подсистемы массовости.....	75
2.5 Корректировка принципов взаимодействия дифференциаций элитарности и массовости в современной культуре.....	84
Заключение	90

Введение

Исследуя развитие общества, ученые традиционно на первый план выдвигали проблемы политики и экономики. Феномен культуры как объект внимания гуманитарных наук долгое время определялся некоторой вторичностью. В XX веке ситуация изменилась, и игнорирование процессов, происходящих в сфере культуры, при изучении жизнедеятельности социума стало невозможным. Одной из причин подобного признания стали изменения, происходящие внутри самой структуры культуры. XX век и особенно его последняя четверть ознаменовались существенной трансформацией культурного пространства. Эксплицитное превалирование массовой культуры, ее непривычно активное развитие, тотальное расширение сферы влияния – все эти процессы заставляют многих говорить о серьезном кризисе культуры. Этой проблеме посвящены многочисленные публикации, она становится лейтмотивом научных конференций. Проблемы культуры и ее осуществляющиеся модификации становятся важным фактором теорий, посвященных изучению законов, тенденций и перспектив общественно-исторического развития.

Вместе с тем большинство исследователей рассматривают современные внутри культурные процессы как уникальный единичный (то есть характерный только для современного этапа социокультурного развития) акт. Однако исторические свидетельства указывают на то, что человечество неоднократно проходило через аналогичные кризисы, сопровождавшиеся смещением вектора эксплицитного лидерства в сторону от элитарной культуры. Частота нарушений привычных для нас соотношений и доминант элитарного и массового указывает на необходимость искать глубинные причины, связанные со структурой и закономерностями развития самой культуры.

Без выявления данных закономерностей исследования процессов, происходящих в современной культуре, будут ограничены и лишены целостности. Понимание этого заставило многих по-иному взглянуть на проблему взаимоотношения массовой и элитарной культуры. Некоторые ученые, подобно Д. Уайту или Т. Адорно, начинают искать «следы» массовой культуры в предшествующих исторических эпохах, датируя ее появление эпохой Древнего Рима или периодом становления капитализма в Англии¹. Однако вслед за Е.П. Смольской мы должны признать, что базовые характеристики, свойственные проявлениям массовости этих перио-

---

¹Цит. по: Шестаков В. П. *Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры»*. М.: Искусство, 1988. С. 42

дов, не совпадают с базовыми характеристиками современной массовой культуры², поскольку они определяются изменчивостью состояния и потребностей общества. В то же время на протяжении всей истории человечества обществу присуща та или иная степень неоднородности, одним из проявлений которой является деление социума на элиту и массу по культурным критериям. Постоянство этого деления указывает на сформированные механизмы трансляции и адаптации «культурного продукта» для каждой из этих групп, а значит и на функциональную неоднородность культуры. Мы можем предположить наличие внутри структуры культуры неких подструктур, задача которых, соответствуя потребностям социума, формировать те или иные модификации элитарного или массового.

Таким образом, актуальность исследования феномена элитарности и массовости в контексте бытия культуры определяется следующими причинами.

Во-первых, процессами, развивающимися в пространстве культуры. Эксплицитное доминирование массовой культуры и сужение ареала воздействия культуры элитарной является явным свидетельством кризиса. Теоретическое осмысление специфики, закономерности или единичности наблюдаемых нами трансформаций позволит правильно атрибутировать его.

Во-вторых, попытка теоретически обосновать наличие сходства в функционировании различных типов культур на разных исторических этапах позволит дать вариант решения вопроса о времени возникновения массовой культуры.

Предыдущий опыт изучения феномена массовости и элитарности вывел его на уровень триады «народная – элитарная – массовая культура». Направление рассуждений было в значительной степени обусловлено исторической ситуацией. На рубеже XIX-XX вв. исследователи стали свидетелями коренной ломки устоявшейся веками системы распределения и активности культурного пространства. Формирование индустриального общества, ориентированного на массовость как таковую, сопровождалось появлением неизвестного ранее феномена – массовой культуры – более агрессивной и, как оказалось, тотальной, нежели ее предшественница народная культура.

В этот период большинство исследователей рассматривают массовую культуру как явление уникальное, а пару элитарная культура – массовая культура характеризуют как антагонистическую. Вероятно, находде-

---

² Смольская Е. П. «Массовая культура»: развлечение или политика? М.: Мысль, 1986. С.142.

ние в эпицентре процесса и то, что основные изыскания проводились в рамках философии и психологии, не позволили выявить функциональной взаимосвязи между двумя этими формами культуры. Однако уже первые авторы, посвятившие свои труды определению специфики психологии толпы и массы, столкнулись с тем, что определяемые ими характеристики нельзя назвать уникальными. Г. Лебон («Психология народов и масс»), Г. Тард («Личность и толпа»), З. Фрейд («Психология масс и анализ человеческого Я»), Л.Н. Войтоловский («Очерки коллективной психологии») указывали на уже существующие в истории человечества аналогии. Вместе с тем ответ о причинах существования данных аналогий был дан исключительно в рамках психологии. Их теоретический анализ через специфику функционирования культуры и ее структурных составляющих этими исследователями не проводился.

Теоретическому осмыслению происходящих в культуре изменений мешали и жесткие маркеры, сформировавшиеся в первые десятилетия научных изысканий и сохранившие свое влияние вплоть до 70-х гг. XX века. Исследователи, прежде всего, пытались характеризовать новое явление через сравнение с уже известным. Такой «точкой отсчета» и стала элитарная культура. Элитистские позиции были характерны уже для работ первой волны - Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, С.Н. Булгакова, Х. Ортеги-и-Гассета, Н.О. Лосского, Л.И. Шестова, В. Бенямина, К. Мангейма, М. Хайдеггера, Ж. Эллюля, С.Л. Франка. Философами были определены качественные различия по уровню творческого поиска и интеллектуальной, эстетической и иной новизне массовой и элитарной культуры. Не выявляя закономерностей смены культурных доминант, не исследуя массовую и элитарную культуры как части единой системы, эти ученые, однако, первыми зафиксировали начало процесса смены доминантности в пространстве культуры в пользу массовости, назвав его «омассовлением».

Критическая направленность работ этого периода оставляла в стороне проблемы функциональной взаимозависимости элитарной и массовой культуры. Тем не менее, накопленный материал по изучению общественного сознания именно на этой стадии позволил Д. Уайту, Д. Рисмену, Э. Фромму, М. Хоркхаймеру, Т. Адорно, Э. Фромму, Г. Маркузе и другим связать происходящие качественные и количественные изменений форм культуры с процессами, протекающими в обществе. Однако отнюдь не все ученые придерживались данной точки зрения. Б. Розенберг утвер-

ждал, что главную причину появления самого феномена массовой культуры, а также снижения влияния элитарной культуры следует искать только в развитии технологий, таким образом снимая вопрос о социальных и политических основах процесса.

Интересными представляются характеристики, даваемые массовой культуре. В них, несомненно, преобладают негативные оценки, но, если не учитывать их некоторую эмоциональность, именно они позволяют сформировать представление о функциях, которые выполняют в социуме массовая и элитарная культуры. Вслед за Х. Ортегой-и-Гассетом, Н.А. Бердяевым, В. Парето большинством признается фактор творчества за элитарной культурой и способность упрощать – «гомогенизировать» (Д. Макдональд), «стандартизировать» (Э. ван ден Хааг), «трансформировать» (Б. Розенберг) ее достижения – за массовой.

Вместе с тем прямая зависимость массовой культуры от элитарной признавалась не всеми. Так, например, М. Маклюэн утверждал, что массовая культура приобщает к духовным ценностям массы, в прошлом отчуждённые от господствующей культуры, а Дж. Селдес считал, что посредством ее общество опускается к «нормам жизни несовершеннолетних».

Начиная с 70-х гг. XX века накал споров о качественной сущности массовой культуры заметно снижается, а изменения, происходящие в социуме, перемещают интерес исследователей в иную плоскость. О динамике, свойственной формам культуры, заговорили Ж. Фурастье, К.Э. Боулдинг, Д. Белл, Э. Тоффлер, А. Турен, З. Бжезинский и другие. Так, Г. Гэнс заявляет принцип культурного плюрализма и сосуществование всех форм культур в едином контексте. А Э. Шилз отмечал изменение пропорций пространства культуры: в культуре второй половины XX века наибольшее распространение получили посредственная и низшая культуры, в то время как пропорциональный запас высшей культуры резко сократился. Однако от внимания исследователя не укрылся и формирующийся парадокс: потребление обществом высшей культуры также возросло, хотя и в меньшей степени. Сторонником идей культурного плюрализма и доминирования массовой культуры был и З. Бауман.

В конце 80-х гг. XX века работы постмодернистов продолжили анализ динамики форм культуры. Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Джеймисон, Р. Инглхарт, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, У. Эко и другие подчеркивают неактуальность антитезы элитарное – массовое. Противопоставление уступает место такому понятию, как

«диффузия культуры», то есть процесс взаимопроникновения элитарной и массовой культур.

В отечественной культурологической науке интенсивное обсуждение «связки» элитарная – массовая культуры началось примерно в 60-х годах XX века. В работах таких отечественных исследователей, как Г.К. Ашин, Ю.Н. Давыдов, В.Л. Глазычев, Е.Н. Карцева, Б.А. Грушин, А.В. Кукаркин, В.П. Шестаков и других, массовая культура рассматривается как серьезное и влиятельное явление буржуазной культуры. Тем самым данные авторы сводят все изменения, переживаемые культурой XX века, только к политической подоплеке, игнорируя иные стороны существования социума. И если А.В. Кукаркин признает значимость, пусть даже только в рамках западной культуры, противопоставления «элитарная культура – массовая культура», то В.П. Шестаков, Г.К. Ашин и их сторонники настаивают на ложности этой дилеммы, снимая вопрос о культуре как о сложно структурированном феномене.

С 90-х годов XX века объем публикаций, посвященных проблемам массовой культуры, возрастает. Вопросами массовой и элитарной культуры занимаются Е.В. Дуков, А.В. Костина, Т.В. Костылева, В.Г. Лебедева, К.Б. Соколов, Д. Дондурей, К.Э. Разлогов, Е.Г. Соколов, П.Л. Карабущенко и многие другие.

Появляются и оригинальные современные культурологические концепции. Так, например, Н. А. Хренов приходит к выводу о цикличности «взрывов массовости» и связывает их повторяемость с возрастанием влияния психологии масс на культуру в переходные периоды историко-культурного процесса. Именно за элитарной составляющей культуры исследователь закрепляет функцию создания культурных ценностей, обращенных в будущее культуры. Важным признаком переходности в культуре считает генезис массовой культуры И.В. Кондаков. Автор утверждает о наличии достаточно однородной и коллективистской «культуры большинства»: ранее – народной, а сегодня – массовой.

Многие современные российские исследователи отказываются от привычного применительно к элитарности – массовости противопоставления – «высокое – низкое», но аргументируют свой отказ не равнозначностью выполняемых ими функций, а подобно М.Н. Зоркой приводят примеры шедевров и бездарных произведений как со стороны элитарного, так и со стороны массового.

Таким образом, большинство исследований, затрагивая отдельные

аспекты проблемы, останавливаются на уровне дилеммы «элитарная – массовая культура», что определило необходимость теоретического осмысления происходящих в культуре изменений и уточнения тех структурных моделей, которые были рождены философской и культурологической мыслью XX века на новом теоретическом уровне.

В XX веке истоками культурологии стали социология и философия. Возможно, именно родство этих наук привело к тому, что десятилетиями изыскания в сфере культуры проводились с их позиций. Использование готовых методов и принципов исследования помогло быстрому становлению культурологии, однако этот же фактор и ограничил ее развитие. Особенно явно это наблюдается в такой дисциплине, как теория культуры. Многие не проводили грань между философией и теорией. Те же, кто признавали разницу, связывали все структурные и функциональные закономерности развития культуры с изменениями, происходящими в обществе. И это правильно, ведь именно человек создает культуру, т.е. является ее субъектом, а значит, изменения социума будут провоцировать и изменения культуры. Вместе с тем нельзя забывать и вторую часть постулата: человек не только субъект, но и объект культуры. А это означает, что культура – дама непростая. Это сложная система (некоторые исследователи даже называют ее сверхсистемой), обладающая собственными закономерностями развития и функционирования.

Именно с этих позиций мы и попробуем рассмотреть историю взаимоотношений элитарного и массового в культуре. Сразу же оговоримся, отмечая внутренние закономерности взаимодействия элитарного и массового, пытаясь обосновать их, исходя из логики функционирования культуры как системы, мы не будем пренебрегать и историко-социальным аспектом этого процесса. Однако заявленные приоритеты будут соблюдаться: мы рассматриваем элитарность и массовость как взаимообусловленные и взаимозависимые подсистемы культуры, как бинарные сопряженные дифференциации.

Страшное, на первый взгляд, словосочетание «бинарные сопряженные дифференциации» на самом деле не таит в себе ничего сверхъестественного. Мы будем говорить о двух различных по функциям подсистемах культуры. Изменение одной подсистемы неизбежно влечет за собой изменение другой и определяет динамику культуры.

Данный подход имеет и еще одну особенность. Для нас приоритетными в определении различий между всеми модификациями данных подсистем будут их функции. Именно сквозь призму созидания и трансляции мы и попытаемся рассмотреть историю европейской культуры.

Глава 1. Элитарность и массовость как проявление функциональной асимметрии культуры

1.1 Принципы формирования дифференциаций элитарности и массовости

Формирование культурного пространства стало для человека условием выживания в агрессивном мире. Потеря инстинкта как механизма приспособления к природной среде привела к необходимости его адекватной замены.

Культурное пространство не могло формироваться статичным, созданным человеком, неизменным раз и навсегда. Константность культуры неизбежно стала бы причиной ее стагнации, а затем и закономерной гибели. Уникальность творения культурного бытия в том, что оно, выступив антитезой природному бытию, основывается на принципе эволюции. Для того, чтобы сформировать способность эволюционировать, культуре были необходимы специальные элементы – бинарные сопряженные дифференциации, или подсистемы, обладающие факторами индукции, то есть потенцией «достраивать» систему до завершенности. При этом завершенность следует рассматривать как установление между бинарными сопряженными дифференциациями культуры взаимосвязи, обладающей направлением развития³. Массовость и элитарность – бинарные сопряженные дифференциации, возникшие в процессе генезиса культуры. Это адаптивно эволюционирующие подсистемы, осуществляющие особую форму информационного контакта со средой, регулирующие пластичность культуры для эффективной эволюции в изменчивой среде.

Основная характеристика эволюции – это соотношение изменения и сохранения, т.е. степень пластичности. Она настолько важна, что в результате эволюции любая унитарная система превращается в бинарную⁴. Эволюция создает одну подсистему для стабильной (оптимальной) среды, специализированную для сохранения (старого) и вторую для нестабильной (экстремальной) среды, для изменения (новаций). На генном уровне это женский – мужской пол (особи, органы, клетки, гормоны), а на пове-

---

³ Хакен Г. *Синергетика* М.: Мир, 1980. С. 249.

⁴ Геодакян В. А. *Эволюционные теории асимметрии организмов, мозга и тела // Успехи физиологических наук*. 2005. Т. 36. № 1. С. 27.

денческо-психологическом – правое – левое полушария, на уровне культуры – массовость – элитарность.

Резко изменившиеся климатические и природные условия Центральной Африки повлекли за собой кризис биологической формы жизни. Популяции гоминид, неспособные найти способ формирования нового, внеприродного типа самоорганизации бытия, были обречены на вымирание. Лишь стечение обстоятельств открыло перед гоминидами путь создания искусственных органов, имеющих потенцию «преодолеть природную слабость естественных органов, благодаря многократному умножению физической силы руки, формировавшейся интеллектуальной силой мозга и коммуникативной энергии средств общения при одновременном «изобретении» искусственного способа передачи из поколения в поколение поведенческих программ, компенсирующего утрату генетически инстинктивного способа их кодирования и трансляции»⁵.

В силу временного фактора, сведений о процессе, который может быть назван «предысторией культуры», ничтожно мало. Его начало корнями уходит в организацию жизни животных, а результатом стало формирование культуры первобытного общества. Дж. Экклес утверждал, что «... история эволюции гоминид, превратившихся в *Homo sapiens*, – это самая чудесная история изо всех нам известных». Аттрактором, определившим успех перехода от природы к культуре, стала охота на крупного зверя, поскольку именно она потребовала от людей качеств, которые генетически не были им даны⁶.

Потеряв темпоральную адаптацию к окружающей среде и проигрывая более крупным животным в силе, ловкости и скорости, предки человека вынуждены были искать способы удовлетворения своих насущных потребностей. Выживали те группы предлюдей, которые не ограничивались удовлетворением сиюминутных потребностей средствами собирательства и несложной охоты на мелких животных и шли по наиболее трудному пути. Став основой протокультурной деятельности гоминид, охота на крупного зверя основывалась как на применении искусственных орудий и «технологий» (дубин, факелов, ям-ловушек, загонов), то есть творческой способности проектировать результаты и способы данных неинстинктивных действий, так и на сочетании коллективных согласован-

---

⁵ *Культурология / под ред. Ю.Н. Солоника, М.С. Кагана. М.: Высшее образование, 2007. С. 209.*

⁶ *Кармин А. С., Новикова Е.С. Культурология. СПб.: Питер, 2006. С. 89-90.*

ных действий, ведь только коллектив охотников мог противостоять силе мамонта, бизона или медведя. Таким образом, уже в период зарождения культурное бытие базируется на двух составляющих, которые по сути своей являются протоосновой элитарности и массовости.

Современная общенаучная парадигма связывает системную сложность как фактор неопределенности с динамикой, развитием, неустойчивостью, нестабильностью. Культуру можно рассматривать как процесс вечной деятельности человека, стремящегося к стабильности, но с последующим ее переходом в нестабильность при рискованном творческом поиске очередной новации⁷.

Следовательно, главной характеристикой эволюции культуры являются степени изменения и сохранения.

Культура – полимодальная и полиморфная система, эта специфика развития обуславливает особенность взаимоотношения подсистем культуры: для нее подсистемы изменения и сохранения являются сопряженными, а не альтернативными, что позволяет культуре находиться в состоянии устойчивого равновесия и детерминировать эволюцию из будущего, поскольку априорное моделирование альтернативных сценариев обеспечивает определение правил запрета тупиковых паттернов⁸. Производные массовости предоставляют обычному человеку способ ориентироваться в наиболее типичных ситуациях, сообщают необходимый минимум культурных сведений, который позволяет ему вписаться в общество⁹, в то время как дифференциации элитарности в основе своей содержат катарсис как позицию бытия. Неслучайно основополагающими единицами творческой элиты являются талант и гений. Катарсис предполагает как духовное совершенствование, так и духовное самосовершенствование, и, как следствие, постоянный поиск новаций и форм, выражающих суть культуры¹⁰.

Динамика культурных вкусов и потребностей массы (и тут можно согласиться с оценкой массы, данной Р. Гвардини в работе «Конец нового времени»: масса «не есть проявление упадка и разложения»), в этом ее от-

---

⁷ Андреева О.А. *Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития*. Таганрог: ТИУиЭ, 2000. 232 с.

⁸ Лесков Л.В. *Синергетика культуры // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия*. 2004. №4. С.46-47.

⁹ Самохвалова В.И. *Маскульт и маленький человек // Философские науки*. 2001. №1. С.57.

¹⁰ Быкова Э.В. *Культура народная, элитарная и массовая // Культурология как общая теория культуры*. М.: МГИЭМ, 2002. С. 15-64.

личие от черни Древнего Рима)¹¹, менее изменчива, нежели элиты. Именно народные массы, а в данном случае, этот термин представляется более уместным, отвечают за стабильность в обществе и за преемственность в культуре в целом. Народные массы исполняют роль основного хранителя и ретранслятора, т.е. субъекта – носителя культурных традиций. Традиции свойственны и элитарной субкультуре, однако, в силу большей закрытости данной субкультуры, ее традициям не характерно широкое распространение, если же традиция выходит за пределы элитарной субкультуры, она, как правило, претерпевает серьезную трансформацию, преобразуя свою эстетику и символику. Традиция обращена не к рефлексующему, рассуждающему разуму, а к мотивационной стороне сознания индивида. Личный пример или подражание играют важную роль в ее сохранении и передаче, традиция стимулирует определенные поступки и виды деятельности, а другие запрещает или осуждает. Следовательно, без некоторой степени доверия к авторитетам и общественным институтам традиции не могли бы существовать.

Приятие традиции означает априорное, а не основанное на эмпирическом опыте и логических умозаключениях, принятие ценностей. Свойственная традиции достаточно высокая степень авторитарности определяет более консервативный характер культурных пристрастий народных масс. Но функцию хранителя традиций народных масс нельзя абсолютизировать, поскольку великие начинания и гениальные открытия создают свои точки отсчета времени и устанавливают новые традиции¹². Таким образом, вышеизложенное дает нам основания рассматривать элитарность как оперативную подсистему, отвечающую за перспективу развития культуры, а массовость как консервативную подсистему, сохраняющую основные качества культуры. Следовательно, в домене элитарности локализованы эволюционно молодые идеи и функции, а в домене массовости – старые. Их специализация по консервативным и оперативным аспектам эволюции позволяет, одновременно улучшая обе, повышать устойчивость системы в целом.

Развитие по законам дихронной эволюции обеспечивает соответствующие «шаговые» стратегию и тактику развития культуры: новация

---

¹¹ Гвардини Р. *Конец философии нового времени // Феномен человека: Антология. М.: Высшая школа, 1993. С.240-296.*

¹² Захаров А. В. *Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. №7. С. 105-115.*

должна предшествовать адаптации и сохранению, то есть эволюция оперативной подсистемы будет первичной, а эволюция консервативной подсистемы – вторичной. Эволюционный дихронизм проецирует эволюционный диморфизм. Массовость и элитарность принимают на себя роль своеобразных «адаптивных фенотипов»¹³ для стабильной и изменчивой среды, соответственно, регулирующих поведенческую пластичность культуры. Новые идеи, тенденции, установки, возникая в домене элитарности, проходят там проверку в течение определенного времени, сроки проверки обусловлены спецификой историко-культурных периодов, после чего новации транслируются в домен массовости, где адаптируются. Академик А.П. Капица, опираясь на выводы, сделанные представителями школы Анналов, пришел к заключению о неизбежном и постоянном сужении временных периодов истории человечества¹⁴, что является косвенным подтверждением разновременности стадий проверки новаций. Так, например, эпоха Возрождения стала для европейской культуры периодом освоения тех новаций, которые в дальнейшем определили развитие европейской культуры. Будучи по сути своей элитарной культурой¹⁵, культура Возрождения апробировала философские и эстетические теории, сформировала новый идеал человека-творца. Тем не менее, качественные модификации, перевернувшие мировоззрение человека и изменившие развитие культуры, первоначально реализовались лишь в достаточно узком кругу итальянской аристократии, мыслителей и тех, кого позже назовут «богемой». В то же время динамика изменений основной, «массовой» части культуры была менее стремительной: процесс трансформации растянулся на несколько столетий и его «рубиконом», вероятно, можно считать XVIII век, провозгласивший разум, прогресс и науку основой развития. «Научная революция» XVIII века способствовала проникновению этих новаций в массовое сознание (данный термин А.Я. Гуревич использует уже применительно к ментальности «повседневного человека» Средневековья)¹⁶.

Но, внедряясь в умы массы и адаптируясь, новые идеи, теории и доктрины неизбежно этим массовым сознанием перерабатываются,

¹³ Геодакян В.А. Конвергентная эволюция фенотипа, асимметрии и сексуальности в культуре // *Сексология и сексопатия*. 2003. № 6. С. 2-8.

¹⁴ Капица С. П. Об ускорении исторического времени // *Новая и новейшая история*. 2004. № 6. С. 3-17.

¹⁵ Быкова Э.В. Культура народная, элитарная и массовая // *Культурология как общая теория культуры*. М.: МГИЭМ, 2002. С. 15-64.

¹⁶ Гуревич А. Я. Жак Ле Гофф и «Новая историческая наука» во Франции // *Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада*. М.: Прогресс – Академия, 1992. С. 355.

трансформируются, иногда до неузнаваемости. Таким образом, к XIX веку массовое сознание оставалось еще средневековым, а процесс освоения новаций продлился чуть более двух веков. Однако уже в XX веке массовое сознание смогло освоить новые идеи и ценности, предложенные культурой постмодерна, всего за несколько десятилетий. Серьезные изменения претерпела и та часть культуры, которая должна была хранить традиции элитарности: одним из своих лозунгов постмодерн выдвинул принцип стирания границ между элитарной и массовой культурой.

Домен элитарности определяет эволюционную пластичность культуры в целом, поскольку именно в домене элитарности закладываются базовые характеристики тех или иных новаций культуры. Так, например, первобытный коллектив изначально строился как элитарный. Достаточно закрытый по отношению к соседям, он являлся носителем определенной культуры, порождая иное из себя путем дробления на кланы. Залогом выживания данной культуры стала стабильность, что, в свою очередь, стало причиной настороженного отношения к любой новации, ибо она могла повлечь за собой не предсказуемые и не координируемые изменения, а следовательно, поставить под угрозу существование коллектива в целом¹⁷.

Таким образом, стремление выжить и сохраниться, обусловившее динамику новаций в домене элитарности, определило традицию как основу эволюции культуры, как способ сохранения и трансляции культурной информации и положило начало формированию традиционной культуры. Для закрепления традиции необходима проверка временем, то есть историческая дистанция. Традиционная культура будет распространена в обществах, в которых изменения незаметны для жизни одного поколения - прошлое взрослых оказывается будущим их детей. Здесь господствует обычай, сохраняемая и передаваемая из поколения в поколение традиция, а современность «интерпретируется, оценивается, легитимируется сквозь призму прошлого, когда прошлое делается исходной точкой для понимания настоящего»¹⁸.

Однако существование массовости и элитарности как бинарных сопряженных дифференциаций, не является изначальным. В качестве подсистем культуры они возникли в процессе ее становления. Культура зарождается как унитарная, мономодальная форма (симметричная и синкретич-

---

¹⁷ Арутюнов С.А. *Народы и культуры: развитие и взаимодействие*. М.: Наука, 1989. 246 с.

¹⁸ Захаров А. В. *Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования*. 2004. №7. С. 105-115.

ная). Генетики, основываясь на исследованиях ДНК, и археологи датируют отправную точку начала процесса становления человека как существа, отличающегося от его животных предков, 3-2,6 миллионами лет до нашей эры. В развитии человека, общества и его культуры мы выделяем два культурных этапа. Первый связан с культурой «присваивающего хозяйства» или культурой присвоения и продолжается до XI-X тысячелетия до н. э. Второй этап образует культура «производящего хозяйства», культура производства, и именно эта культура определяет общественное развитие вплоть до современности. Переход от культуры присвоения к культуре производства получил название «неолитическая революция»¹⁹.

Современные исследования процессов перехода к культуре производства отмечают, что этот процесс вызревает постепенно и не синхронно ещё в недрах старой культуры, он происходит постепенно, проходя ряд промежуточных этапов. Результатом стало появление из собирательства земледелия и скотоводства из охоты.

Долгое время считалось, что переход к земледелию или скотоводству облегчает труд человека, даёт ему больше свободного времени. Последние исследования показывают упрощённость подобной трактовки: переход к культуре присвоения в её аграрном варианте сопровождается увеличением рабочего времени, усилением напряженности, монотонности труда, потерей его творческого характера – все основные достижения неолита, от скотоводства до строительства, осуществились благодаря длительным, упорным и непрекращающимся усилиям²⁰. Однако эти усилия дают свои результаты – на смену продукту необходимому приходит излишек. Это создает объективную возможность для выделения группы людей, которые более-менее профессионально начинают заниматься процессами упорядочивания хозяйственных отношений. Они уже не заняты в сфере непосредственного производства материальных благ. Результат их деятельности – нематериальные блага, то есть услуги определенного качества и предназначения²¹.

Единая ранее, синкретичная культура охотников и собирателей разделяется: из материальной культуры выделяется умственная, духовная культура в качестве самостоятельного вида деятельности.

---

¹⁹ Чайльд Г. *Древний Восток в свете новых раскопок*. М.: Наука, 1956. 266 с.

²⁰ Мамфорд Л. *Миф машины*. М.: Логос, 2001. 408 с.

²¹ Акулов В.Б., Акулова О.В. *Экономическая теория: учебное пособие*. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 180 с.

Однако общество еще не способно жить в условиях дефрагментации культуры. Чтобы выжить и развиваться, человечеству было необходимо вывести условие единства культуры на новый уровень. Отныне единство культуры будет достигаться созависимостью материальной и духовной деятельности: обменом избыточного продукта на услуги, духовную продукцию. Каждая из культур специализируется в своей области, взаимно дополняя друг друга, способствуя развитию друг друга, то есть выступает в коэволюционных связях. Тот или иной вид культурной деятельности закрепляется за определенной группой лиц и передается со временем по наследству: происходит структуризация социума и становление каст, варн, сословий. Переход из одной касты в другую, и, следовательно, возможность смены вида культурной деятельности либо отрицался как таковой (как, например, в Древнем Египте), либо, как в Месопотамии или Древнем Китае, обуславливался сложной системой экзаменов.

Процесс дифференциации видов деятельности ускорил динамику культуры. С одной стороны, быстрее происходит накопление опыта в конкретной области культуры, его сохранение и передача. Теперь отдельно накопленные знания, умения, навыки не теряются, а передаются внутри слоя и чаще всего на основе родственных связей: от отца к сыну, от матери – к дочери.

С другой стороны, работник материального производства теперь заинтересован в производстве не только необходимого, но и избыточного продукта с тем, чтобы обменять его на услугу, продукт духовной деятельности – шамана, колдуна, певца, сказителя, врача и т.д., в то время как последние заинтересованы в производстве продукции, востребованной производителями материальных благ, что, в свою очередь, является важнейшим стимулом для духовного творчества.

Но духовная культура, обособившись в качестве самостоятельного вида деятельности, в силу своей специфичности утверждается в статусе сакрального, доступ к которому ограничен. Особый статус приобретают и люди, связанные с производством духовного продукта, доказательством чему является особый способ захоронения подобных людей. Так, например, по мнению ряда этнографов, шаманские погребения у большинства лесных народов располагались, прежде всего, на деревьях (то есть ближе к небу), а не в земле²². В то же время нельзя не отметить точку зрения

---

²² Косарев М. Ф. *Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда*. М.: Наука, 1991. С. 181.

Т.М. Потемкиной о том, что сооружение памятников типа святилища Савин обязательно требовало наличия людей, регламентировавших религиозные действия. В качестве таковых, как отмечает автор, могли выступать в равной степени вожди и старейшины или жрецы²³. Постепенно выделившись в особую, протоэлитарную касту, жречество присваивает себе монополию на знания, и на долгие века и тысячелетия будет активно влиять на развитие духовной культуры.

Таким образом, изначально синкретичная первобытная культура в результате неолитической революции разделяется на две подсистемы: подсистему элитарности, включающую в себя духовную культуру, и подсистему массовости – доступную многим культуру материального производства. Это первоначальное, еще примитивное, деление со временем будет претерпевать существенные изменения, и дополняться более сложной градацией, обусловленной качественными изменениями как материальной, так и духовной культуры.

1.2 Функциональное распределение подсистем элитарности и массовости

Принимая за основу принцип адаптогенеза Дарвина, можно утверждать, что эволюция системы напрямую связана с эволюцией среды, а именно: изменения среды должны провоцировать изменения системы. Среда бытования культуры не является константной. Изменения в окружающем мире и социуме требуют от культуры не только эффективной, но и адаптивной эволюции; как подсистемы элитарности, так и подсистемы массовости, поскольку только соблюдение обоих условий позволяет культуре оставаться пластичной системой в изменчивой среде. Это означает, что подсистемы массовости и элитарности – не просто эволюционирующие подсистемы. Одной из основных их функций является осуществление особой формы информационного контакта со средой бытования. Изменение среды бытования влечет за собой и изменение подсистем культуры. Появление и распространение массовой культуры было бы невозможно

---

²³Потемкина Т.М. Археoaстрономические объекты как один из источников изучения генезиса жречества // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1996. С. 22-23.

без процесса урбанизации общества²⁴. Увеличение, а затем и количественное доминирование потребителей культуры, обладающих только первичными или слаборазвитыми культурными вкусами и приоритетами, привело к смещению доминанты в сторону массовой культуры.

Человек выстраивает культуру как дискретную систему²⁵. Эту дискретность во времени обеспечивают в том числе подсистемы массовости и элитарности. Таким образом, все богатство форм и функций культуры – результат дивергентных процессов.

Вместе с тем любое изменение для системы может иметь двойное значение: с одной стороны, оно необходимое условие прогресса, с другой – неkoordinируемое изменение может спровоцировать гибель системы. Метод проб и ошибок – наиболее эффективный метод изменения системы, дающий возможность координировать изменения путем локализации ошибок. Чтобы локализовать ошибки, полигоном для апробации новации целесообразнее выбрать не целую систему, а только ее часть. Для этого необходимо разделить систему на две подсистемы: функция одной из подсистем («разведчика») – определить, что требуется социуму в настоящем и как нужно измениться в будущем, вторая подсистема («хранитель») отвечает за сохранность информации и адаптацию ее к основной части социума²⁶.

Однако принцип специализации необходим культуре не только для сохранения. Для эволюционирующих систем основополагающим принципом также является второй постулат, отвечающий за специализацию – принцип изменения системы. Процесс взаимоотношений принципов изменения и сохранения системы является многоуровневым.

Во-первых, консервативные и оперативные аспекты эволюции – два главных и обязательных ее условия. Отсутствие одного из них влечет за собой отсутствие эволюционной динамики: система либо находится в состоянии стабильности, что при определенных условиях может привести к стагнации, либо уничтожается или самовырождается. Подобные процессы мы можем наблюдать и на более ранних этапах развития человечества.

---

²⁴ Коровицына Н.В. *Восточноевропейский путь развития в лицах: «простой» человек и человек «образованный»* // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 4.

²⁵ Dennett D. *Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meanings of Life*. New York: Simon & Schuster, 1995. p.519.

²⁶ Геодакян В.А. *Эволюционные теории асимметризации организмов, мозга и тела* // Успехи физиологических наук. 2005. № 1. С. 24-53.

При нелинейном переходе от первобытной к следующей стадии развития культуры три сформировавшихся варианта развития обладали неодинаковыми потенциями саморазвития, а следовательно, разными «динамическими зарядами»²⁷. Культуры скотоводов и земледельцев не содержат в себе потребности в непрерывном творческом самосовершенствовании. Земледельческая культура оказалась более жизнеспособной и смогла сохранить господствующие позиции в некоторых странах Азии вплоть до XXI века, однако ее уровень значительно уступает уровню развития городской западноевропейской культуры, в основе которой лежит ремесленная культура античности с активным творческим потенциалом, в то время как скотоводческая культура с присущими ей наивно-примитивным мифологическим сознанием и имманентной агрессивностью не заключала в себе потребности в активном творческом саморазвитии. Скотоводческая культура стала основой многих замкнутых культур, как, например, культура инков и майя в Северной Америке.

Во-вторых, отношение изменения и сохранения характеризует эволюционную пластичность системы. Замкнутые культуры закрепляются и увековечиваются и если взламываются, «то только извне, под воздействием цивилизационных процессов у соседних народов»²⁸. Примером трансформации культуры скотоводов в культуру земледельцев является процесс возникновения европейской культуры в средневековую эпоху. Однако обратные превращения в истории культуры не известны. Земледельческая культура может стать основой для формирования городской культуры, вместе с тем полярный ход эволюции возможен лишь под воздействием серьезных социокультурных катаклизмов, как, например, гибель городской античной культуры в результате нашествия варварских племен.

В-третьих, эти условия альтернативны: чем больше изменения, тем меньше сохранения и, наоборот, так как они дополняют друг друга до единого целого, что наглядно можно проиллюстрировать формулой $C + И = 1$ ²⁹. Правомерность данного утверждения наиболее ярко может быть выявлена при анализе состояния европейской культуры второй половины XX – начала XXI века. Новации, предлагаемые элитарной культурой, сегодня настолько обширны и многообразны, что массовая культура

---

²⁷ Каган М. С. *Синергетика и культурология // Синергетика и методы науки. СПб.: Наука, 1998. С. 214.*

²⁸ Там же. С. 217.

²⁹ Геодакян В.А. *Эволюционные теории асимметризации организмов, мозга и тела // Успехи физиологических наук. 2005. № 1. С. 24-53.*

оказалась не в состоянии сохранить все предлагаемое, поэтому современный европейский человек живет в постоянно меняющемся культурном пространстве. Каждый день он сталкивается с новыми тенденциями, открытиями и теориями. Апробируемые массовой культурой, многие из них устаревают и становятся неактуальными уже через месяц, полгода или год.

Вместе с тем данное соотношение изменения и сохранения провоцирует определенное пространственное соотношение подсистем массовости и элитарности. Повышенная динамика элитарной подсистемы и пониженная динамика массовой подсистемы при сохранении пространственной доминанты элитарной подсистемы могла бы спровоцировать разрушение сферы культуры. Естественное стремление к самосохранению заставляет культуру изменять радиусы активности массовости и элитарности. Сегодня это выражается в преобладании доли массовой культуры и снижении доли культуры элитарной. При отсутствии специализации подсистем культуре приходилось выбирать некий компромиссный оптимум соотношения «изменение – сохранение». Поиск компромисса между изменением и сохранением сводил к минимуму динамику культуры, что характерно для ранних этапов ее становления, в то время как специализация подсистем предоставляет возможность максимизировать одновременно и то, и другое при оптимальных темпах развития.

До формирования полимодальности культуры главный управляющий поток информации был основан на принципе: «среда – система». Обусловленное этим фактом мышление первобытного человека К. Леви-Брюль назвал «пралогическим»³⁰. Становление бимодальности культуры усложнило направление информационного потока, введя в него новые координаты: среда – оперативная подсистема – консервативная подсистема. Следовательно, при адаптивной эволюции оперативная подсистема (элитарность) становится «посредником» между средой (социумом) и консервативной подсистемой (массовостью).

Более активное становление подсистемы элитарности можно объяснить спецификой организации первобытного коллектива. Каждое первобытное сообщество, элитарное по своей сути, было полностью независимо от соседей и основывалось на принципе замкнутого самообеспечения³¹.

---

³⁰ Леви-Брюль К. *Первобытное мышление* // *Психология мышления*. М.: МГУ, 1980. С. 134.

³¹ Бугера В. *Собственность и управление. Философско-экономические очерки*. М.: Наука, 2003. С. 53.

Система табу – необходимое условие как формирования культуры на ранних стадиях, так и выживания племен – также способствовала развитию данной дифференциации.

Катализатором подсистемы массовости стало превращение первобытного сакрального знания в миф, легенду, а затем и в фольклор. Устное творчество не было рассчитано на избранных, поскольку его аудиторией является каждый, кто готов слушать. В фольклоре отсутствует запрет на обмен сюжетами между регионами, что повлекло за собой циркуляцию информации.

Оперативная подсистема элитарности, приняв на себя эволюционную функцию, стала своеобразным буфером, посредником между сохраняющей консервативной подсистемой массовости и средой. Чтобы принять новую информацию, оперативная подсистема культуры должна обладать более широкой по сравнению с консервативной подсистемой фенотипической дисперсией своих элементов, то есть структура, содержание, принципы взаимодействия основных форм культуры в подсистеме элитарности будут обладать большим разнообразием, нежели в подсистеме массовости.

Многие исследователи обращали внимание на большую повторяемость, архетипичность наиболее популярных образов массового искусства³², в то время как суть творческой деятельности – в вовлечении предмета в новые взаимосвязи, которых нет в природе или которые не предполагались его создателем³³. И тогда распредмеченный смысл может оказаться богаче и шире того, что сознательно опредмечивалось автором. Кроме того, новая культурная ситуация, в которой находится другое поколение, раскрывает иные грани в давно созданном произведении, как это часто бывает, например, в литературе. Таким образом, человек – субъект творческого процесса, новые идеи и смыслы черпает не из самого себя, не из глубин сознания и подсознания, а из своего взаимодействия с действительностью.

Данное функциональное распределение подсистем наиболее эффективно для обеспечения развития культуры, а следовательно, в условиях, когда предлагаемое должно быть больше, нежели сохраняемое. В этих обстоятельствах приспособляемость элементов оперативной подсистемы

---

³² Сыров В.Н., Поправко Н.В. Генезис массового сознания // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 66-78.

³³ Мареева Е.В. Культурология. Теория культуры: учебное пособие для вузов. М.: Экзамен, 2001. 466 с.

культуры, с одной стороны, будет ниже, чем приспособляемость элементов консервативной подсистемы. Но, с другой стороны, коэффициент отбора для элементов подсистемы элитарности выше, чем коэффициент отбора для элементов подсистемы массовости, поскольку только возможность выбора позволяет конструировать оптимальный путь развития культуры и предоставляет возможность избегать неразрешимых проблем. В новое время (XVI-XVIII века) в европейской культуре формируется феномен, который может быть охарактеризован как «западный активизм»³⁴.

Он предполагал активно-творческую позицию по отношению к миру. Установка на активизм стала в XIX-XX веках во многом естественной для людей. Сквозь «сито» подсистемы элитарности проходит огромное количество новшеств, открытий и изобретений. С конца XIX – начала XX века в европейской культуре наблюдается значительное расширение потока информации³⁵, и отказ от принципа функционального разделения между подсистемами культуры мог бы привести к информационному коллапсу и изменению всей динамики культуры в сторону беспорядочного движения, лишённого направления и регулярности.

В краткосрочном измерении сохранение культуры часто бывает важнее, чем изменение, ибо отсутствие координатных изменений грозит застоём культуры, в то время как отказ от функции сохранения неизбежно привел бы культуру к исчезновению. Следовательно, мы могли бы утверждать, что подсистемы культуры статусно не равнозначны. Консервативная подсистема массовости важнее и ценнее, чем оперативная подсистема элитарности. Она сохраняет за собой некоторые черты и функции материнской унитарной системы, тогда как оперативная подсистема приобретает новые. Однако для понимания смысла культуры нельзя ограничиться лишь пониманием смысла оперативной подсистемы элитарности. Отсутствие развития делает сохранение бессмысленным бегом по кругу, то есть простым циклическим движением без дальнейшей поступательной динамики. Таким образом, система без развития обречена в конечном итоге на гибель. Так, например, «шедевр консерватизма»³⁶ римская цивилизация была основана на принципах закрытого мира. Рим занимался эксплуатацией и потреблением, сам ничего не производя: после эллинистической

---

³⁴ Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. *Модернизация: от равенства к свободе*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. С. 115-167.

³⁵ Негодаев И.А. *Информатизация культуры*. Ростов н/Д.: ЗАО Книга, 2003. 320 с.

³⁶ Гофф Ле Ж. *Цивилизация средневекового запада*. М.: Прогресс Академия, 1992. С. 9.

эпохи в античной культуре нет новаций в области техники, искусство осваивает созданные ранее приемы, а архитектура специализируется на формировании унитарного жилищного комплекса. Со второй половины II века римский мир уже не смог сдерживать разрушительные тенденции, и постепенно закрытая культура, отказавшаяся от развития как принципа существования, вынуждена была уступить свое место более активной культуре.

Схема адаптогенеза предлагает следующую формулу эволюции системы: $E \rightarrow S$, где S это система, а E – среда³⁷. То есть эволюцию системы определяет среда. Выступив антитезой природному бытию, культура в качестве среды бытования ориентирована на социум. Поскольку главным управляющим потоком эволюции является поток информации, следовательно, социум в отношении культуры выступает как некий информационный потенциал, заставляющий культуру эволюционировать. Все качественные трансформации, происходящие со структурой социума, провоцируют те или иные изменения в эволюции культуры. Так, одной из важнейших черт древнегреческой культуры является ее интерактивный (от слова интеракция – взаимодействие) характер. В XXI веке до нашей эры с севера и северо-запада в Грецию пришли ахейцы и создали в Афинах, Микенах, Тиринфе, Пилосе и Фивах свои царства; а около XVI века до нашей эры ими был завоеван Крит. Однако культура ахейцев еще не смогла преодолеть зависимость от критской культуры и от культуры Киклад, и в результате взаимопроникновения возникла культура, представлявшая собой своеобразное диффузионное единство критской и ахейской культур.

Объективные исторические причины обусловили дальнейшее смешение культур в эпоху античности. Помимо внешних изменений, таких как, например, вторжение дорийцев, имевших более низкую культуру, немалую роль в этих процессах играли и причины внутреннего характера: возросшая численность населения и территориальная ограниченность Средиземноморья привели к тому, что Античная Греция не могла прокормить все свое население. В XIII-XII веках до нашей эры бассейн Восточного Средиземноморья стал ареной сложных миграционных процессов, оказавших влияние на культуры таких соседних государств, как Древний Египет или Хеттское царство. Свидетельство об этом мы можем найти в древнеегипетских документах³⁸.

---

³⁷ Геодакян В.А. *Эволюционные теории асимметризации организмов, мозга и тела // Успехи физиологических наук. 2005. № 1. С. 24-53.*

³⁸ Поликарпов В.С. *Лекции по культурологии М.: Гардарики, Экспертное бюро, 1997. 344 с.*

В.А. Геодакян³⁹ сравнивает бинарные сопряженные подсистемы с лампочками, которые могут быть подключены к источнику тока последовательно. Эта последовательность подсистем дает самой бинарно-сопряженной системе принципиально новые возможности, которыми унитарные системы не могли обладать в силу ограниченных возможностей своей структуры.

Функция сохранения новаций реализуется наиболее эффективно через расширение аудитории воздействия, то есть через постоянное увеличение количества потенциальных хранителей системы ценностей и норм культуры. В определенной степени каждый из нас является потенциальным объектом воздействия той или иной модификации подсистемы массовости, то есть подсистемы сохранения культуры⁴⁰.

Конечные формы, создаваемые в домене элитарности культуры, обладают большей онтогенетической пластичностью, поскольку только при соблюдении данного условия подсистема культуры, отвечающая за изменения, может стать базой для дальнейших модификационных изменений, происходящих уже в подсистеме массовости. Так, например, опера, будучи проявлением элитарной культуры, стала основой для многочисленных оперетт, мюзиклов, рок-опер.

Поэтому применительно к подсистеме массовости можно утверждать, что она обладает собственным механизмом активности, трансформации и сохранения⁴¹. Более широкий набор вариантов реакций позволяет ей на основе базовых форм за счет их онтогенезисной пластичности создавать более адаптивные модификации. Таким образом, подсистема культуры, отвечающая за сохранение, то есть массовость, вырабатывает способность вывести из зоны отбора домена элитарности необходимые ей системы ценностей или норм.

Домен элитарности обладает более узкой нормой реакции на потребности большинства социума. Это специфика стала одной из причин того, что постепенно в культурном поле намечается отход от традиционной, формировавшейся веками и тысячелетиями пропорции, демонстри-

---

³⁹ Геодакян В.А. Эволюционные теории асимметризации организмов, мозга и тела // *Успехи физиологических наук*. 2005. № 1. С. 24-53.

⁴⁰ Костина А.В. *Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе*. М.: Либроком, 2009. С.117.

⁴¹ Костылева Т.В. *По дорогам культуры индивидуальных миров // От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации*. М: ГИИ, 1998. С. 101.

рующей явную доминанту оперативной подсистемы – элитарности. Изменения, на которые в начале XX века указывали лишь отдельные философы, например, Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс («Духовная ситуация времени»), О. Шпенглер («Закат Европы»), П. Сорокин («Человек. Цивилизация. Общество»), во второй половине XX века стали очевидны, и сегодня мы можем наблюдать примеры опережающей эволюции домена массовости.

Это означает, что одна и та же социокультурная информация модифицирует массовость и сужает радиус деятельности элитарности, примером чего может являться развитие такой формы культуры, как наука. Еще в XIX веке А.И. Герцен в работе «Дилетантизм в науке»⁴² отмечал изначальную замкнутость, кастовость ученого сословия. Началом конца времени «аристократии знания» стало изобретение книгопечатания.

Потенции науки таковы, что в отличие от искусства наука является более узконаправленным феноменом культуры⁴³. Однако и в этом случае сведение духовности к разуму и возведение информации до уровня высших ценностей постепенно привело к тому, что современный человек испытывает колоссальную потребность в адаптированных, упрощенных знаниях. С другой стороны, процесс формирования массовой культуры привел к серьезным внутрикультурным изменениям. Согласно формуле К. Шеннона о количестве информации⁴⁴, в демократических системах (к которым мы можем отнести и современную культуру) информационный центр не может распоряжаться всеми ресурсами. В этой ситуации сами элементы решают, куда направить данный излишний ресурс. Вероятность выбора ошибочного направления вложения ресурса достаточно велика, однако в дальнейшем ошибочность того или иного научного направления неизбежно будет выявлена. Сочетание двух этих условий и составляет ту питательную среду, на которой расцветает современный научный дилетантизм, обеспечивший массовое появление в науке XX-XXI веков не только паранаучных, но и псевдонаучных направлений⁴⁵. Не случайно конец II – начало III тысячелетия многие исследователи называют эрой дилетантов. Таким образом, сегодня мы можем наблюдать процесс, в ре-

---

⁴² Герцен А.И. Дилетантизм в науке // Сочинения: в 8 т. Т.2. М.: Правда, 1975. С. 21-38.

⁴³ Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. М.: Гуманитарий, 1997. 254 с.

⁴⁴ Шеннон К. Э. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Иностранная литература, 1963. С. 210.

⁴⁵ Юревич А. В. Наука и паранаука: столкновение на «территории» психологии // Психологический журнал. 2005. №1. С. 79-87.

зультате которого не только модифицируется соотношение культурных дифференциаций элитарности и массовости в культуре как таковой, но и отмечаются изменения баланса элитарности и массовости внутри форм культуры.

Таким образом, культурный диморфизм по норме реакций обеспечивает повышенную вариативную пластичность массовости в ее внутреннем развитии и качественную пластичность элитарности. Тогда массовость преобразует социокультурную информацию в фенотипическую, во временный модификационный культурный диморфизм, а элитарность, заплатив за нее снижением своего «ареала», – в генотипическую, в эволюционный культурный диморфизм, с тем, чтобы после проверки передать эти новации домену массовости наиболее легким и эффективным путем.

Следовательно, созданный доменом элитарности путем отбора эволюционный культурный диморфизм становится для массовости фактором эволюции, движущим потенциалом, позволяющим домену массовости получать новую информацию не от среды – социума, а от домена элитарности, минуя изначальный отбор. Мы можем считать домен элитарности селекционным, а домен массовости – номогенетическим, то есть эволюционирующим на основе внутренних закономерностей. В этом эволюционный смысл культурной дифференциации и главное преимущество деления культуры на подсистемы.

1.3 От новации к экс-новации:

эволюция системных новаций в пространстве культуры

Согласно принципам эволюции полимодальных систем⁴⁶ дифференциация элитарность – массовость позволяет выстроить наиболее экономный способ информационного контакта культуры со средой своего бытования, то есть с социумом. Как уже было показано выше, в период унитарного этапа существования культуры информация от среды ее бытования (социума) передавалась непосредственно к каждому элементу системы. Однако после того, как культура совершила переход в класс бинарно-сопряженных систем, информационный поток приобрел более сложную

---

⁴⁶ Геодакян В.А. Конвергентная эволюция фенотипа, асимметрии и сексуальности в культуре // Сексология и сексопатия. 2003. № 7. С. 2-6.

направленность: теперь он попадает сначала к элементам оперативной подсистемы элитарности, а от них к элементам консервативной подсистемы массовости. Следовательно, консервативно-оперативная специализация подсистем культуры достигается их дихронной (асинхронной) эволюцией: в оперативной подсистеме она начинается и заканчивается раньше, чем в консервативной. Тогда все новации появляются сначала в оперативной подсистеме элитарности, проходят там проверку, после чего (спустя определенное время) отобранные попадают в консервативную подсистему массовости.

Необходимо отметить, что данное деление на подсистему элитарности и массовости не подразумевает под собой автоматического деления уровней культуры на высший и низший с позиций качественной градации⁴⁷. Бесспорно, домен массовости в силу своих функций не может не включать в себя явления культуры, характеризующиеся низким качеством. Но вместе с тем акцентирование внимание лишь на этом различии было бы явным упрощением специфики и задач функциональной асимметрии культуры. В контексте данной работы понятие «масса», столь негативно оцениваемое (и не без основания) многими исследователями, равно понятию «основная часть населения», что позволяет помимо качественных характеристик использовать и характеристики количественные, а применительно к определенным явлениям культуры качественные и количественные характеристики могут не совпадать и не входить в противоречия.

Следует оговорить и понятийную сторону данного процесса. Дело в том, что для понимания динамики происходящих изменений предполагается четкая дифференциация двух состояний опыта: нового и принятого (индивидами или группами), стереотипизированного. Первому состоянию соответствует такое понятие, как «новация» – новшество. Ко второму состоянию имеет отношение понятие «инновация» – нововведение. «Тем самым оно относится уже к общественному классу традиционных (а не собственно новационных) явлений»⁴⁸. Инновация выражает начальный этап формирования традиции, то есть начальный этап «омассовления» того, что когда-то было частью культуры немногих.

---

⁴⁷ Зоркая Н.М. *На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России 1900-1910 годов*. М., 1976. С. 109.

⁴⁸ Маркарян Э.С. *Проблема целостного исследования культуры в антропологии США // Этнология в США и Канаде*. М.: Наука, 1989. С.35.

Рассмотрим данные утверждения на примере такого явления культуры, как гуманизм, и схемы эволюции нового явления в культуре. Гуманизм стал для европейской культуры той новацией, которую принято относить к разряду системных, то есть к новациям, определяющим «появление морфофункциональных признаков» культуры. «Для реализации системной новации должны потенциально существовать все необходимые условия для ее исторически первого (новационного) формирования. Системная новация должна быть «подготовлена» на момент ее появления⁴⁹.

Эволюция нового свойства – системной новации культуры – может быть представлена в виде последовательного прохождения данной системной новацией трех фаз. В начальной, дивергентной фазе в эволюции доминирует только подсистема элитарности, так как только она в состоянии принять и переработать новую информацию от социума. Именно в домене элитарности происходит осмысление новых качеств, характерных черт, норм и принципов. В процессе формирования системная новация должна сформировать качества адаптации, необходимые ей для внедрения в домен массовости, поскольку в противном случае данная новация, законсервировавшись в домене подсистемы элитарности, значительно ограничит сферу влияния, а следовательно, собственный временной лаг⁵⁰.

Дивергентная фаза – самая творческая фаза развития культурной новации. В ее основе – дивергентное мышление (от лат. *divergere* – расходиться), то есть метод творческого мышления, заключающийся в поиске множества решений одной и той же проблемы⁵¹. В исследованиях Е. Торранса, Д. Гилфорда, К. Тейлора, Г. Груббера подчеркивается, что целью дивергентного мышления является развитие исследовательского интереса, ориентированность на поиск новых форм деятельности. Кроме этого, дивергентность активизирует способность оценивать, сравнивать, строить гипотезы, анализировать и классифицировать полученный материал.

По мнению В.Н. Дружинина, дивергентное мышление является одним из важнейших качеств творческой личности⁵², в силу этого сфера влияния новации на первой стадии эволюции весьма ограничена. Однако,

---

⁴⁹ Болдачев А. *Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. С. 179.

⁵⁰ Манхейм К. *Эссе о социологии культуры*. // *Избранное: Социология культуры*. М., СПб.: Университетская книга, 2000. С. 7-232.

⁵¹ Кондаков И. М. *Психология: Иллюстрированный словарь*. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 87 с.

⁵² Дружинин В.Н. *Психология общих способностей*. СПб.: Питер, 1999. С. 183.

помимо творческой элиты, она включает в себя частично и так называемых «обычных людей» – представителей иных элитных групп или, как в случае с Древней Грецией, слой социума, обозначившего свою избранность через приверженность к особым свойствам или качествам данной культуры. Так происходит укоренение и стабилизация бытия новации в пространстве культуры.

Первым шагом на пути расширения сферы влияния системной новации культуры является появление эволюционного культурного диморфизма, который усиливается с течением времени. На первоначальном этапе становления этот процесс будет достаточно медленным. В зависимости от историко-культурного периода он способен растянуться на тысячелетия или века, а затем, подчиняясь ускорению темпа культурно-исторического времени, потратит на этот процесс десятилетия или года. Длительность дивергентной фазы, или культурный дихронизм, равняется опережению элитарности в культурном пространстве. Именно этой стадии соответствует первенство качественных изменений над количественными. Эта временная дистанция необходима для проверки новых свойств, качеств и идей. Для выработки основных параметров и категорий. Но дивергенция элитарности и массовости не может продолжаться бесконечно, иначе это может привести к изоляции подсистем и к невозможности дальнейшей передачи информации.

Включается процесс релаксации (или равновесия) эволюционного культурного диморфизма: начинается отток информации от подсистемы элитарности к подсистеме массовости. Устоявшаяся новация расширяет радиус своего влияния и становится инновацией, то есть начинается вторая, параллельная фаза эволюции экс-новации, когда эволюция подсистемы элитарности сопровождается передачей новаций в подсистему массовости. Эта фаза характеризуется расширением сферы востребованности культурной инновации, поскольку в социуме в силу политических, экономических и иных причин уже сформирован необходимо широкий слой, нуждающийся в тех изменениях и благах, которые данная экс-новация способна привнести в их жизнь.

Третья фаза эволюции системной новации – конвергентная, в ней подсистема массовости эволюционирует наиболее ярко и активно. Начинается она, когда на подсистему элитарности перестает действовать внешний дифференциал, то есть социум уже не испытывает острой нужды

в кардинальном обогащении или дополнении содержания культурной эк-новации, поскольку ее уже сформированное содержание полностью (или в большей степени) соответствует необходимой потребности. Однако, выработав необходимые качественные характеристики, системная инновация неизбежно начнет стремиться изменить область своего воздействия и стать традицией, поскольку «системные новации никогда не направлены на приспособление к конкретным условиям обитания, то есть по определению не являются узко адаптивными»⁵³. Следовательно, динамическая активность инновации перемещается в домен массовости. Диморфный в процессе эволюции признак, с точки зрения динамики (и только динамики) развития, становится снова мономорфным и стабильным. Интенсивное развитие сменяется экстенсивным, и среда бытования системной новации значительно расширяется.

Явным доминантным типом мышления третьей фазы эволюции системной новации является конвергентное мышление (от лат. *convergere* сходитьсь) – форма мышления, основанная на стратегии точного использования предварительно усвоенных алгоритмов решения определенной задачи, т.е. ориентированность на инструкцию по последовательности и содержанию элементарных операций по решению этой задачи.

Когнитивное мышление сфокусировано на понятных проблемах, позволяет быстро отыскивать уже известные способы их решения и основано на концентрации внимания. Характеристиками конвергентного мышления являются порядок, простота, рутина, четко распределенная ответственность, однозначные системы измерения и предсказуемость. Оно безупречно приспособлено ... и может быть весьма эффективным при внедрении небольших добавочных изменений, однако при кардинальной трансформации терпит полное фиаско⁵⁴.

На этом эволюция нового свойства культуры для данного этапа культурного развития завершается. Вместе с тем, как только культура выйдет на качественно новый этап своего развития, социум либо утратит потребность в данной «новации», либо будет нуждаться в ее коренном переосмыслении. Судьба эк-новации, соответствующая первому варианту

---

⁵³ Болдачев А. *Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. С. 176.

⁵⁴ Richard Foster, Sarah Kaplan. *Creative Destruction: Why Companies That Are Built to Last Underperform the Market — and How to Successfully Transform Them*. New York: Currency/Doubleday, 2001. P. 238.

событий, будет рассмотрена нами чуть позже. Но если актуальным будет второй вариант развития культуры, экс-новация начнет новый круг эволюции, наполнится качественно новым содержанием и до времени потеряет приставку «экс».

Таким образом, данная схема изначально не предполагает обязательного, а следовательно, неизбежного снижения качества условного «культурного продукта» при переходе из одной подсистемы в другую.

Мы определили схему эволюции новации в пространстве культуры. Теперь попытаемся не только проследить эволюцию гуманизма как явления культуры, но и доказать, что прохождение в процессе эволюции домена массовости не влечет за собой с неизбежностью потерю качества данным явлением.

«Категория “гуманизм” – открытая [категория], она наполнялась различным содержанием в различные эпохи»⁵⁵. Но, как уже говорилось ранее, приход системной новации должен был быть подготовлен.

Даже в самом примитивном обществе ценность человека никогда не равнялась нулю. Это было обусловлено условием выживания сообщества в целом. Даже для передачи таких примитивных зачатков знаний и мастерства, как поддержание огня, приемы охоты, рыболовства, собирательства, было необходимо иметь определенный уровень личного творчества.

Формирование личностных способностей и умений – объективный закон развития человеческого сообщества на любом этапе его истории. Этнографы подтверждают, что и в «консервативном и сурово преследующем нарушителей порядка обществе человек стойкий, решительный, отважный может выйти победителем из столкновения с нормой, действующей тысячелетия. И в этом обществе сила духа и разума одного человека порой берет верх над религиозно-мистическими представлениями, которые безраздельно владеют сознанием и эмоциями всех остальных людей из поколения в поколение»⁵⁶. В подобных случаях можно говорить о появлении некоторого намека на гуманизм⁵⁷.

Дальнейшая ориентированность культуры на развитие и укрепление

---

⁵⁵ Рубанцова Т.А. Основные парадигмы гуманизма // *Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса*. М., 2005. Т.5. С. 171.

⁵⁶ Артемова С.Ю. *Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине*. М.: Наука, 1987. С. 170.

⁵⁷ Ахиезер А. С., Матвеева С.Я. Гуманизм как элемент культуры // *Общественные науки*. 1990. №2 // http://www.libertarium.ru/l_lib_ahimat1 (дата обращения: 08.06.2011).

творческих потенций человека неизбежно увеличивала ценность человека, что, в свою очередь, обеспечило формирование предпосылок гуманизма. В целом можно говорить о прогрессе ценности человека в истории. Даже «рабство начинается с того, что исконная, примитивная, первобытная покорность человека несвободе сменяется пусть глухим и беспомощным, но сопротивлением... Каждый последующий способ производства представляет собой шаг вперед в раскрепощении человека»⁵⁸, а следовательно, и в формировании гуманистических ценностей.

С культурологической точки зрения историю развития гуманизма можно разделить на три этапа, определивших его содержание и развитие. Тремя основными парадигмами гуманизма считаются античная, в которой было заложено ценностное ядро гуманизма, – аристократический гуманизм; возрожденческий итальянский гуманизм – буржуазный гуманизм; современный гуманизм – демократический гуманизм. Примечательно, что от парадигмы к парадигме гуманизм увеличивал ареал своего распространения: для античной парадигмы таким ареалом были Греция и Рим, для возрожденческого гуманизма – вся Европа, современный гуманизм распространяется на весь мир⁵⁹.

Каждая из парадигм не только расширяла его сферу распространения, но и вносила что-то свое в понимание этого феномена.

Дивергентной фазой для гуманизма стала Античная культура. Уже «Анаксимен проводит параллель между человеком и миром (между микрокосмом и макрокосмом)»⁶⁰. В Античной культуре впервые признается высокая ценность человека (хотя бы только и эллина). Об этом пишет Александр Осипович Маковельский, исследуя раннюю античную философию и изучая зарождение идеи определенного соответствия человека и мира. Вслед за Анаксименом эту параллель между человеком и миром проводили Гераклит, Эпихарм, Демокрит и другие⁶¹. Постепенно эта идея становится более или менее общепринятой в античной культуре и философии.

Человек не просто признается высшей ценностью, но человек объяв-

---

⁵⁸ Поршнев Б.Ф. *О начале человеческой истории // Проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974. С.30-31.*

⁵⁹ Рубанцова Т.А. *Основные парадигмы гуманизма // Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. М., 2005. Т.5. С. 170.*

⁶⁰ *Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды. Минск: Харвест, 1999. С.120*

⁶¹ Там же. С. 250, 340.

ляется и критерием всякой ценности. Эта черта гуманизма была выражена в античности Протагором: «Человек есть мера всех вещей». Такой взгляд был ориентирован на самопознание человека.

Определяющими для античного гуманизма были следующие идеи: «Человек тогда становится человеком, когда приобщается к культуре, подавляет в себе звериное начало (пайдейя). Человек должен быть гражданином своего государства и приносить ему пользу. Человек должен милосердно относиться к людям (филантропия)»⁶². Таким образом, в недрах Античной культуры были определены основы гуманизма: соответствие человека миру, аксиологическое понимание человека; культурное начало гуманизма, его ориентированность как на внутреннее «Я» человека, так и на ту общность, в которой человек существует (хотя в Античности эта общность была ограничена весьма конкретными рамками) и филантропия.

Гуманизм итальянского Возрождения (или параллельная фаза для гуманизма) продолжил развивать традиции антропоцентризма, заданные философами Древней Греции и Рима: «Человек – высшая ценность; человек – центр вселенной, скрепа трёх миров; у человека на земле особая, творческая, самостоятельная и созидающая роль; человек – это гражданин, он несет в себе идеи общественного блага, служит государству»⁶³. Мыслители Возрождения в отличие от своих идейных предшественников не вводили ограничения на действие гуманизма по национальным, территориальным или образовательным критериям. Однако гуманизм оставался идейной программой довольно узкого культурного слоя общества. Этот круг резко выделялся на широком фоне неграмотных, пропитанных религиозными предрассудками и суевериями, народных масс. Между культурной элитой европейского общества и народом существовало взаимное непонимание и подозрительность. Поэтому проповеди реформаторов оказались куда ближе, достовернее и понятнее сознанию народа, чем труды гуманистов⁶⁴.

Базовым понятием для Реформации стал христианский гуманизм. Именно он взял на себя трансляцию этой культурной новации в широкие слои европейского населения. Чтобы достигнуть и закрепить свои преоб-

---

⁶² Рубанцова Т.А. Основные парадигмы гуманизма // *Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса*. М., 2005. Т.5. С. 171.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. *Реформация как универсалия культуры: переключки эпох и поколений // Реформация XX века: статьи по культурософии советизма*. М.: Новый хронограф, 2008. С. 26.

разовательные цели, христианский гуманизм идет на компромисс с христианской доктриной в форме Реформации, и через ее авторитет и влияние добивается большего результата, чем светский гуманизм. Таким образом, итальянские мыслители продолжают традиции античных философов, уточняя и развивая доктрину гуманизма. Однако для того, чтобы расширить сферу влияния гуманизма, усилий итальянцев и их сторонников в других европейских странах было недостаточно. Чтобы проникнуть во все слои населения, гуманизму потребовалась помощь «массовой» церковной традиции. Церковь превращается в эпицентр радикальных культурно-исторических новаций, «восстанавливающих единство классического и христианского миров в европейской культуре»⁶⁵.

Конвергентная фаза развития гуманизма приходится на современный этап развития культуры. Для парадигмы современного гуманизма «характерно многообразие форм, идей, идеологий...»⁶⁶. Гуманизм по-прежнему опирается на принципы антропоцентризма и ненасилия. То есть современный гуманизм формируется на основе традиций, заложенных на предыдущих этапах его развития. Вместе с тем влияние процессов глобализации и информатизации, становление иных интерпретаций общества и знания, выдвижение альтернативных концепций межличностных отношений спровоцировали расширение сферы применения гуманизма в культуре. Так, например, стремительное развитие массовой культуры, связавшей человека с миром в целом, спровоцировало появление особого вида гуманизма, называемого иногда в отличие от гуманизма ренессансного малым гуманизмом⁶⁷.

В недрах гуманистического движения зреет еще одно новое и активное направление, «выдвигающее социально-политические цели, стремящееся придать гуманизму более широкое общественное значение»⁶⁸. Особенностью такой социализации гуманизма является усмотрение в нем потенциальных возможностей стать идеологией. Неоднозначность и противоречивость позиций сторонников подобных идей не отменяет саму

---

⁶⁵ Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Реформация, как универсалия культуры: переключки эпох и поколений // Реформация XX века: статьи по культурологии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. С. 22.

⁶⁶ Рубанцова Т.А. Основные парадигмы гуманизма // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. М., 2005. Т.5. С. 172.

⁶⁷ Орнатская Л.А. Массовая культура и «дух эпохи» // Российская массовая культура конца XX века: материалы круглого стола 4 декабря 2001 г., г. Санкт-Петербург. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.129.

⁶⁸ Там же.

тенденцию – гуманизм постепенно и неуклонно расширяет ареал своего действия.

В процессе адаптивной эволюции при изменении социума возникают новые проблемы и предлагаются новые способы (новации) для их решения. В дальнейшем социум может измениться так, что новация, воспринимавшаяся когда-то как нечто необходимое, окажется ненужной или даже вредной, тогда она элиминируется отбором. Следовательно, системная новация имеет свою «эволюционную» жизнь в культуре: «рождается», развивается, проходит становление, усовершенствование, работает и, если экс-новация исчерпала себя, «умирает», поскольку, как правило, для возникновения любых перемен в культуре прежде необходимо освободиться от некоторых общепринятых стереотипов и нередко — идеалов эпохи⁶⁹.

Гуманистические идеалы, «пустившие корни» в культуре Античности, утвердившиеся в духовной культуре в форме традиции, выдержали испытание временем, доказав свою значимость, непреходящую ценность. С течением времени понятие «гуманизм» приобрело новые характеристики, однако его стержень остается неизменным. Идейный стержень гуманизма выступает в роли традиции, которая реализует принцип преемственности поколений, ценностей духовной культуры. Получая значение общественного идеала, общечеловеческого начала, противостоящего групповому, классовому, национальному, гуманизм доказывает свою жизненную стойкость⁷⁰.

Необходимо также отметить, что целевая аудитория оперативной подсистемы элитарности более однородна и количественно ограничена по определению⁷¹, что, в свою очередь, определяет возможность формирования и первичного закрепления новации. Напротив, целевая аудитория консервативной подсистемы массовости более разнообразна по своему составу и культурным предпочтениям, следствием чего является вариативность форм проявления экс-новаций.

Таким образом, в эволюции культурной новации можно выделить три фазы по «возрасту» этой новации и связанные с ними три разные формы их локализации по доменам подсистем культуры.

---

⁶⁹ Чернявская Ю.В. *Народная культура и национальные традиции*. Минск: Беларусь, 2000. С. 114.

⁷⁰ Резванова Э. Д. *Гуманизм как единство инновации и традиция: социально-философский аспект (в контексте итальянского Возрождения)*: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2000. 126 с.

⁷¹ Хренов Н. А. *«Человек играющий» в русской культуре*. СПб.: Алетейя, 2005. С.53.

1.4 Проблема доминантности дифференциаций

Благодаря дихронной эволюции все новые признаки проверяются в домене элитарности, прежде чем передаются в домен массовости. Функциональные различия двух подсистем культуры определяют различия в характеристике диапазона реакций элитарности и массовости на изменения социума. Отвечая за продуцирование новаций, оперативная подсистема элитарности, стремясь к сохранению внутренней устойчивости, не может позволить себе неограниченного расширения вариантов реакций либо качественного упрощения способов выражения этих реакций. Направлений, в которых реализуют себя модификации подсистемы элитарности, в культуре существует значительно меньше, чем направлений, являющихся сферой влияния подсистемы массовости. Модификации подсистемы элитарности также не находят реализации в таких традиционных для подсистемы массовости направлениях, как система национальной (государственной) идеологии или массовая социальная мифология⁷².

«Архивные новации» существуют только в домене массовости, они кодируют «атавистические» признаки культуры. Их эволюционный смысл – в случае возникновения потребности либо подходящей ситуации в социуме вернуть эти признаки, не прибегая к сложной и долгой проверке в домене элитарности. Так, например, реакцией обыкновенного человека на вызов индустриальной культуры оказалось восстановление мифологии⁷³.

В новых культурных обстоятельствах одной из наиболее жизнеспособных и активных форм реализации современной мифологии стала массовая культура, представляющая особый способ переживания реальности и структурирования мира в системе иррациональных, не требующих подтверждения истинностью коллективных представлений. Именно массовая культура актуализировала ценность мифа, способного при помощи символов и обобщений реконструировать реальные и идеальные связи человека. А вместе с мифом был реконструирован и опыт мифологического мышления, но не в дологическом варианте, а в модификации, названной Я.Э. Голосовкером «имагинативной»⁷⁴.

---

⁷² Флиер А. Я. *Массовая культура и ее социальные функции // Общественные науки и современность. 1998. № 6. С. 138-148.*

⁷³ Сыров В.Н., Поправко Н.В. *Генезис массового сознания // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 73-74.*

⁷⁴ Голосовкер Я. Э. *Логика мифа. М.: Наука, 1987. С. 123.*

Как считает В.Г. Туркина, «одна из фундаментальных мифологем массового сознания – это представление о высшей, наделенной надындивидуальными свойствами инстанции, которую называют Героем. Не обязательно, чтобы эта инстанция обладала качеством реального бытия. Достаточно лишь, чтобы в умах миллионов людей она воспринималась как нечто вполне реальное. Миф о герое придает смысл индивидуальному существованию «массового человека», создавая для него некие «идеальные» образцы поведения и тем самым оправдывая в его глазах навязываемые ему извне стереотипы поведения. Иными словами, роль мифологемы героя состоит в адаптации человека массового общества к существующему социальному порядку. С другой стороны, миф о герое есть часть того социального механизма, который приводит массы в движение, порождает и закрепляет социальные инновации»⁷⁵. Мифологема Героя функционирует как средство спасения для человека массового общества, организуя его поведение и нацеливая на преодоление отчуждающих процессов массового общества – массового производства, массового насилия, массового потребления и массовой коммуникации.

А. Генис справедливо считает, что «массовая культура всегда пестовала свою, специфическую религиозность... Такой мистический Бог особенно близок массовому искусству, потому что оно изначально, по самой своей природе близко к первобытному пралогическому мирозерцанию. Популярное искусство никогда далеко не отходило от общего архаического источника нашей культуры. Оно было резервуаром мифологических образов и представлений. Это своего рода отстойник, куда стекали иррациональные отходы цивилизации, по мере того как она становилась все более рациональной. Там, в нижнем, подвальном этаже культуры, скопились ненужные атрибуты мистического мировоззрения – суеверия и приметы, обряды и ритуалы, слухи и легенды. Отсюда массовое искусство черпает архетипические мифологические образы, которыми оно щедро засеивает свои уголья – комиксы, кинобоевики, телесериалы, бульварную прессу, витрины, гороскопы, видеоклипы, рекламу, моды»⁷⁶.

Было бы ошибкой предположить, что доминанта той или иной бинарной сопряженной дифференциации культуры является абсолютной, поскольку применительно к процессу эволюции культуры мы вправе го-

⁷⁵ Туркина В.Г. *Мифологема героя и массовое сознание: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2001. С. 3.*

⁷⁶ Генис А. *Вавилонская башня: искусство настоящего времени: эссе. М.: Независимая газета, 1997. С. 187-188.*

ворить лишь о первенстве функции, а не подсистемы. Более того, по мнению Г. Гэнса массовое и высокое в культуре равноправны⁷⁷. Именно этой спецификой соотношений двух дифференциаций объясняется тот факт, что в один и тот же историко-культурный период мы можем наблюдать одновременное доминирование и аутсайдерство как подсистемы элитарности, так и подсистемы массовости. Вместе с тем одно из доминирований может быть эксплицитно, а другое – неявно, имплицитно.

Доминантность и субординатность бинарно-сопряженных дифференциаций культуры – это разные по качеству воплощения фазы эволюции их новаций.

Если эволюция культуры идет в направлении появления новых свойств, качеств и функций, то доминантной будет ее авангардная элитарная подсистема, если же функция (качество, свойство) эволюционно регрессирует (утрачивается или ухудшается), – то арьергардная, массовая подсистема.

В стабильных стадиях эволюции культуры, когда системные изменения не требуются, доминантность определяют динамические характеристики подсистемы, так как если социум нуждается в изменениях культуры, то на первое место выходит «поиск» соответствующей новации, а при симметричном наличии – ее совершенствование. В первом случае будет доминировать инновационно-поисковая подсистема элитарности, а во втором – более быстрая подсистема массовости. Динамика культурных процессов в домене массовости выше, чем в домене элитарности.

В первобытной культуре традиция, зафиксированная, в том числе, и в ритуально-мифологическом комплексе, с одной стороны, необходима для сохранения первобытного коллектива, с другой – ведет к строгой регламентации его жизни. Первобытный коллектив столетиями следует стереотипам и шаблонам застывшей культурной традиции, которая со временем превращается в мощный тормоз его развития. Практика и мышление первобытного человека были ограничены, поэтому степень регламентации и ритуализации его жизни была чрезвычайно велика. Это помогало избежать возможных ошибочных действий. Древний человек был уверен, что отход от традиций и ритуалов способен привести к разрушению всего миропорядка⁷⁸.

---

⁷⁷ Gans H. *Popular Culture and High Culture: An Analysis and Evaluation of Taste*. New York: Basic Books, Corp., 1974. 409 p.

⁷⁸ Воеводина Л.Н. *Мифология и культура*. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. С. 29-32.

В условиях, когда развитие культуры определяет количественный приоритет традиций над новациями, неявное, имплицитное, качественное преобладание домена элитарности является объективным условием устойчивости и динамики культуры. В противном случае преобладание домена массовости в силу своей потенциальной несостоятельности провоцирует сведение новаций к критическому минимуму, что, в свою очередь, может стать причиной гибели культуры⁷⁹.

В истории культуры эстафета культурного лидерства на протяжении веков передавалась от сословия к сословию: духовенство, дворянство, новая аристократия, что обеспечивало иерархичность и устойчивость культурного процесса. Именно деятельность этих культурных «законодателей» привела к появлению классической культуры – культуры, применительно к которой мы можем говорить о явном доминировании домена элитарности.

Но эгалитарные преобразования лишили культуру ее привычных лидеров. «В многоголосии культуры, терявшей привычные духовные ориентиры, все громче звучало ее “эсперанто”, понятное всем»⁸⁰. Развивающаяся массовая культура активно формирует все новые и новые формы для трансляции новой информации, необходимой рядовому человеку, чтобы выжить в постоянно меняющемся мире. Эта видимая и тотальная энергия массовой культуры позволяет утверждать, что вторая половина XX – начало XXI века считаются периодом наиболее активного развития подсистемы массовости в культуре. Вместе с тем на уровне обывательского сознания в последние десятилетия сформировалось мнение, что мы стали наблюдателями гибели элитарной культуры.

Ученое сообщество данные процессы воспринимает более неоднозначно, рассматривает современный этап как переходный, как предвестник грядущих глобальных изменений в культурном поле. Среди ученых, занимающихся проблемами культуры информационного общества, существует фундаментальный раскол на тех, кто считает, что мы имеем дело с принципиально новым типом общества, и тех, кто, придерживаясь идеи социальной преемственности, утверждает, что процессы информатизации ранее установленных отношений еще не означают появления нового об-

---

⁷⁹ Арутюнов С.А. *Народы и культуры: развитие и взаимодействие*. М.: Наука, 1989. 246 с.

⁸⁰ Лебедева В. Г. *Судьбы массовой культуры России. Вторая половина XIX – первая треть XX века*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. С. 319.

ществленного уклада⁸¹. К первой группе можно причислить таких теоретиков, как Д. Белл, А. Тоффлер, Ж. Бодрийяр, М. Постер, М. Пайор, Ч. Сейбл, Л. Хиршхорн. Вторая группа состоит из таких исследователей, как Г. Шиллер, М. Альетта, А. Липиц, Д. Харви, Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Н. Гарнэм.

Но разница позиций не отменяет одной из главных характерных черт этого периода культуры: приоритета новаций над традициями. Чтобы сохранить преемственность в культуре⁸² и дать возможность большинству людей адаптировать и усвоить необходимые новации в ситуации информационного взрыва, домен массовости должен взять на себя доминантную функцию, и это будет эксплицитное лидерство. Однако данное соотношение новаций и традиций, характерное для современного этапа культуры, является одним из предвестников серьезных сущностных изменений в культурном пространстве⁸³. В подобных ситуациях абсолютная «вторичность» домена элитарности невозможна, поскольку именно он отвечает за продуцирование основной доли новаций в культуре. Специфика подобного этапа обуславливает доминирование и домена элитарности, но имплицитного по отношению к большинству доминирования.

Таким образом, уже на ранних этапах культурогенеза выстраивается определенная временная диспозиция подсистем культуры: первая оперативная подсистема (элитарность) формируется как основная, более древняя, «удаленная» от основной части социума. Вторая – более молодая, теснее связанная с социумом, консервативная подсистема (массовость) становится своеобразным адаптационным полигоном для новаций оперативной подсистемы элитарности. Выделение специального эволюционного буфера позволяет проверить в нем разные решения встающих перед культурой эволюционных проблем, без риска закрепления неудачных. В этом эволюционная логика массовости и элитарности как бинарных сопряженных дифференциаций культуры.

Рассмотрим более подробно, каким образом подсистемы элитарности и массовости проявляют себя в культуре.

---

⁸¹ *Теории информационного общества / под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 12.*

⁸² *Эстетика: Словарь / под общ. ред. А.А. Беляева. М.: Политиздат, 1989. С. 359.*

⁸³ *Фролов Б.А. Традиция и инновация в архаической культуре // Исследования по первобытной истории: сб. статей / под ред. А.И. Першица. М.: этнологии и антропологии РАН, 1992. С. 192.*

ГЛАВА 2. Соотношение подсистем элитарности и массовости в истории западноевропейской культуры

2.1 Элитарность и массовость как факторы формирования античной культуры

Уже в эпоху Античности философы обратили внимание на неоднородность культуры⁸⁴. Так, например, для Гераклита человек «один, если он наилучший», выше десятитысячной толпы. Причем «наилучшим» философ и аристократ по происхождению считал не того, кто более знатен и богат, критерием деления были умственные способности человека и его приверженность духовным ценностям. Гераклит обличал невежество тех людей, которые в погоне за материальными благами пренебрегают своим духовным совершенствованием и при этом не терпят «наилучших», которые отличаются от большинства⁸⁵. Даже свои произведения философ пишет нарочито усложненным языком (за что получает прозвище «Гераклит темный»), чтобы подчеркнуть, что он пишет не для большинства, лишенного мудрости, но для «избранных».

Философией избранности называют философию Пифагора. Она создавалась как элитное знание для посвященных, доступное лишь членам тайного ордена пифагорейцев в Кротоне. Прием в школу Пифагора был основан на жестком индивидуальном отборе достойнейших по их интеллектуальным и волевым качествам, он включал в себя несколько этапов, или степеней посвящения: подготовительную ступень, очищения или катарсиса, совершенства и, наконец, наивысшего совершенства, созерцания полноты истины. Путь, который должен был пройти претендент, трактовался как очищение личности, дающее доступ к высшим духовным ценностям (в гармонии с физическим совершенствованием)⁸⁶.

Демокрит различает и противопоставляет этические нормы большинства и ценности немногих мудрецов (элиты), утверждает примат ценностей духовных перед материальными, подчас низменными удовольствиями масс. Принимая идею Протагора о том, что человек – мера всех

---

⁸⁴ Карабуценко П.Л. *Античная политическая философия: афинская школа теории элит*. Астрахань: МОСУ, 1997. С. 130; Карабуценко П.Л. *Элитология Платона*. Астрахань: МОСУ, 1998. 184 с.

⁸⁵ Гераклит Эфесский. *Фрагменты // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1997. Т.1. С.46.*

⁸⁶ Ашин Г.К. *Курс истории элитологии*. М.: МГИМО (У), 2003. С. 40-41.

вещей, он добавляет, что это должен быть не всякий человек, но мудрец.

Подчеркивая, что ценит духовный аристократизм, Платон призывал повернуться от обыденных проблем к физическому и нравственному самосовершенствованию, к высшему благу. Хотя он допускал принципиальную возможность для каждого стремиться к этому идеалу, философ, прежде всего, заботился о формировании культурной элиты. Он пишет: «...мы считаем самым ценным не спасение во имя существования, как это считает большинство, но достижение совершенства»⁸⁷.

Доказательством того, что Платон не ставил знак тождества между социальной элитой – элитой по рождению – и культурной элитой, образованной на основе личных способностей человека, является разработанная мыслителем концепция элитного образования. Платон признавал, что несмотря на то, что представители различных классов и слоев общества «большой частью» рождают себе подобных, «все же бывает, что от золота рождается серебряное потомство, а от серебра – золотое; то же – и в остальных случаях». Поэтому необходимо наиболее способных из низших слоев переводить в высшие, а менее способных детей – выходцев из семей высших слоев – в низшие.

Таким образом, противопоставление элитарного и массового в культуре действительно имеет еще античные корни, когда впервые творческая активность в сфере культуры рассматривается как привилегия узкого слоя духовной элиты.

Однако необходимо учитывать еще одну особенность древнегреческой культуры – элитаристический принцип самоидентификации греков, называвших всех неэллинов, говорящих на чужом языке, варварами. Представление о естественном господстве греков над варварами основывалось на утверждении, что последним свойствен низкий культурный уровень. Так, например, одна из героинь Еврипида произносит монолог, прославляющий греков перед лицом варваров-троянцев: «Греки – цари, а варвары – гнися! Неприлично гнущся грекам перед варваром на троне»⁸⁸.

Поэтому абсолютно естественным было то, что основой эллинской этнофилософии стала сама эллинская идея, определяющая эллинов как единственный элитный этнос и отводящая всем остальным варварским

---

⁸⁷ Платон. *Законы* // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т.1. С. 158.

⁸⁸ Еврипид. *Ифигения в Авлиде* // Цит. по: Фролов Э.Д. *Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть)*. СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. С. 472.

народам роль своего рода «этнической массы». Так, например, в представлениях Платона Эллада – это остров среди будущего океана варварства (инокультуры), остров, который живет по своим законам, иначе мыслит, иначе чувствует, иначе дышит⁸⁹. «Варварский» мир включал в себя все негреческие народы независимо от степени их цивилизации и политического развития. Различия между варварами и эллинами настолько существенны, что они оказывают влияние даже на выбор способов ведения войны: в зависимости от того, ведется ли война между греческими племенами и государствами или между греками и варварами. В первом случае мы имеем дело с «домашним спором», требующим соблюдения принципов человеколюбия – продажа пленных в рабство не допускается. Во втором случае это война «врагов по природе», которая ведется со всей беспощадностью, а побежденные обращаются в рабство. Обе эти идеи лежат в плоскости соотношения разных культурных уровней – эллинов (равных по культуре своего образования) и варваров (необразованных и потому нижестоящих).

Таким образом, можно утверждать, что не только на уровне культурной элиты, но и на уровне греческого этноса в целом была сформирована установка не просто на особенность, но на исключительность (элитарность). И элитарность эта прослеживалась, прежде всего, на культурном уровне.

Попытаемся доказать, что именно активность подсистемы элитарности была основой развития древнегреческой культуры. Следовательно, необходимо обосновать, что не просто Античность как таковая стала принципиально новым этапом в истории мировой и, что важнее для данной работы, западноевропейской культуры, но что в связке древнегреческая культура – древнеримская культура именно культура Древней Греции была тем этапом, когда закладывались основные качества и характеристики Античности, прошедшие уже в рамках культуры Древнего Рима через домен подсистемы массовости.

В основе любой культуры лежит аксиологическая система. Одной из главных ценностей древних цивилизаций было богатство, определявшееся, прежде всего, как имущество. Греки признавали ценность богатства, но кардинально поменяли его назначение. Богатство в Древней Греции ценилось, но не само по себе, не в качестве накопления сокровищ, облада-

---

⁸⁹ *Карбущенко П.Л. Антропологическая элитология. Астрахань: МООУ, 1999. 231 с.*

ния вещами или землей (очень высоко ценившейся у земельных собственников, у крестьянства). Богатство было важно и ценно в качестве условия общеполитической устойчивости, как необходимое для наличия и роста возможностей цивилизованно-комфортной и культурной жизни свободных греков⁹⁰.

Впервые в мировой истории красота становится принципом устройства мира и самодостаточной ценностью. В Благое, к которому, по мнению многих греческих мыслителей, должна была стремиться жизнь человека, именно красота занимала одну из ведущих позиций. Платон называл одной из первых отличительных черт эллина любовь к прекрасному⁹¹. И в этом утверждении есть доля истины. В XIX веке французский архитектор и исследователь Эжен Эмануэль Виолле-де-Дюк предположил наличие у древних греков «абсолютного зрения», доставлявшего им такие радости, которые нам теперь неизвестны⁹². Скульптурные изображения (богов, героев, победителей разных игр и конкурсов) повсеместно украшали городскую среду. Поэзия участвовала в самых разных сторонах жизни, в том числе и в политической. Музыка понималась и применялась как средство врачевания, создания душевного настроения. Древнегреческий театр был важной частью жизни каждого, а трагедия должна была служить очищению души – породить состояние катарсиса.

Эстетически обустроивалась и повседневность грека. Это касалось не только архитектуры и скульптуры, но и одежды, вещей, обстановки, празднеств, искусства слова. А космос виделся этим людям не как что-то безмерное, как, например, в Древней Индии, а как завершенное целое: гармоничное, прекрасное, звучащее. Уже в самом общем подходе к миру, природе, космосу античный грек утверждал эстетические категории красоты, меры, гармонии. Специфика познания космоса греками состояла в том, чтобы не нарушить устоявшиеся взаимосвязи и органично вписаться в этот мир⁹³.

Одно из свойств эллинского мышления определяется понятием «эй-дос» (от греч. *eidos* – вид, наружность, красота, свойство, идея, созерца-

---

⁹⁰ Большаков В.П., Новицкая Л.Ф. Особенности культуры в ее историческом развитии: от зарождения до эпохи Возрождения. Великий Новгород: НовГУ, 2000. 160 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Bolsh/3_03.php (дата обращения 12 декабря 2009).

⁹¹ Карабуценко П.Л. Антропологическая элитология. Астрахань: МОСУ, 1999. 231 с.

⁹² Татаркевич В. Античная эстетика. М.: Искусство, 1977. С.17

⁹³ Григорьян А.В. Вкус как единица измерения ментальности культуры // Молодежная наука Прикамья – 2010 // URL: <http://tt.pstu.ru/mnp10/mnp10/s14/grigoryn.htm> (дата обращения 04.07.2011).

ние). Оно отражает наглядность, осязательность, телесность античного изобразительного искусства. Складывались каноны более гибкие, чем древнеегипетские или месопотамские. Эти новые каноны были антропометрическими, математическими и зрительно выверенными, основанными на пропорциях правильно сложенного человеческого тела. Это был «канон природы», но обработанной, ставший «каноном культуры»⁹⁴.

Греческие художники видели мир через идеал человека, сочетавший в себе красоту, а значит гармонию внешнего и внутреннего. Никто из других народов не умел так ярко и полно выражать абстрактные идеи, отвлеченные понятия в наглядных зрительных образах⁹⁵. Именно поэтому греческое искусство долгое время фактически не знало портрета. И только в эпоху эллинизма великий скульптор Лисипп положил начало портретному искусству. Однако и ему не удалось полностью отказаться от некоторой степени обобщения.

Для Древней Греции характерно прогрессирующее очеловечивание божественного, нарастание антропоморфности мифологии. Именно поэтому из всех древних религий греческая в наибольшей мере оказалась феноменом культуры, выражением упорядочивания и окультуривания социума, отношений людей и природы, людей с людьми. В классическую эпоху еще не возникло представление об индивидуальных отношениях человека с Богом, поскольку религия носила общественный характер. Любые важные дела начинались с жертвоприношений или с обращения к богам, в силу чего религия постепенно приобретала формалистический характер, и к периоду эллинизма она уже основывалась на принципе «ты – мне, я – тебе», то есть, чтобы достичь в деле успеха, надо обратиться к богам, и отправление религиозного культа — залог исполняемой богом просьбы⁹⁶.

Древние греки очень высоко ценили разум, знание, мудрость и презирали невежество. Большинство свободного населения Греции было грамотным. В греческий период истории культуры Античность дала миру ко-

---

⁹⁴ *Большаков В.П., Новицкая Л.Ф. Особенности культуры в ее историческом развитии: от зарождения до эпохи Возрождения. Великий Новгород: НовГУ, 2000. 160 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Culture/Bolsh/3_03.php (дата обращения 12 декабря 2009.)*

⁹⁵ *Власов В.Г. Стили в искусстве: Словарь: в 3 т. СПб.: Колина. Т.1. 1995. 672 с. URL: <http://gigart.ru/arch/a/547-antichnoe-iskusstvo.html> (дата обращения 24.05.2010).*

⁹⁶ *Постернак А.В. Хрестоматия по истории Древней Греции и Древнего Рима. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2008. 760 с. URL: <http://lib.rus.ec/b/244142/read> (дата обращения 17.05.2010).*

лоссальное количество мыслителей, развивавших разнообразные направления в познании мира и применении знаний (Фалес, Гераклит, Пифагор, Архимед, Эвклид, Сократ, Платон). Особенности общественных отношений привели к тому, что особого жреческого сословия, способного контролировать развитие научной мысли, в Древней Греции не сложилось⁹⁷.

Свобода размышления была почти ничем не стеснена. В Древней Греции возникло множество философских школ, иногда резко критиковавших друг друга. Античная философия выработала широкий и глубокий подход к миру. Она попыталась объять все мироздание в целом, и систематизировать все знание и понять сущность человека.

Применительно к древневосточным цивилизациям эту же функцию попытались взять на себя религиозно-философские учения, такие как буддизм или даосизм. Но в древнегреческой мудрости религиозно-мистическое содержание вытеснялось разумно-логическим. Однако, как справедливо отмечают В.П. Большаков, Л.Ф. Новицкая, обожествленным оказался именно разум. Человечность человека связывалась с ним. Разум древних греков поэтичен, но поэтичность его не безмерна. В. Л. Круглов недаром замечает, что для греков «Логос – размеренность, упорядоченность, гармоничность течения жизни, – выше, совершеннее стихии проявления алогического, случайного, спонтанного»⁹⁸.

Античная рациональность, разумность не только объясняла мир и жизнь, но поддерживала стабильность жизни не на основе соблюдения ритуалов, традиций, «естественного» порядка вещей и отношений, а на основе признания разумности и нравственности порядка, гармонии и неразумности, безнравственности хаоса, анархии, дисгармонии.

Для культуры Древней Греции характерно создание идеала развития человека в единстве его телесности и духовности, чувственности и разумности. Не случайно в Древней Греции идеальный человек – это человек калокагатийный (от «калон» – прекрасный и «агатон» – добрый, благородный). Несмотря на множественность толкований сути и модификаций калокагатии, можно выделить следующие характеристики, выражающие этот классический идеал полисного гражданина. В калокагатии конкретизируются и получают общее и единое выражение такие отвлеченные и

---

⁹⁷ Воеводина Л.Н. *Мифология и культура*. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. С. 67-96.

⁹⁸ Круглов В. Л. *Эстетическое сознание Древней Греции. Основные характеристики мифологемы*. Красноярск: СФУ, 1998. С. 7.

разнородные категории, как красота, благородство величия, простота, знание и мудрость героев, свобода и демократическая гражданственность. Калокагатия есть общее идеально-нормальное состояние тела, в котором личность человека только и проявлена в меру соответствия этому идеально-нормальному физически-жизненному состоянию тела⁹⁹.

И создание философии, формирование идеала полисного гражданина были обусловлены наличием особой ценности, неизвестной аксиологическим системам иных древних культур. Такой ценностью стала свобода. Представление о свободе в древнегреческой культуре было многогранно. Оно включало в себя не только собственно гражданскую свободу, но и свободы во владении телом, в одеяниях, в мысли и слове¹⁰⁰.

Необычайно развилась риторика, ораторское искусство, логика. Свобода духа проявлялась в поиске красоты мысли, выражаемой образно, почти ничем не стесняемой, и гармонично, изящно оформленной. Свобода имела и политический смысл. Впервые его сформулировал в своей «Истории» Геродот. Сформулировал, исходя из противопоставления эллинов варварам. Эллины свободны (не имея над собой царя-деспота), варвары же – рабы. Свобода как отсутствие внешнего принуждения, следовательно, присуща именно грекам, среди варваров ею обладает только один персидский государь¹⁰¹.

Таким образом, свобода связана с представлением об избранности. При всем почтении к мудрости и древности Востока, греки никогда не задавались целью осуществления «экспорта свободы» в земли варваров. Даже в период правления Александра Великого распространение греческого «этоса» (в том числе и идеи свободы) происходило путем основания многочисленных колоний на завоеванных территориях.

Творческая потенция древнегреческой культуры, критерии самоидентификации, присущие грекам, формирование представлений о творческой элите как о культуuroобразующем субъекте – все это позволяет нам утверждать, что в основе развития культуры Древней Греции доминирует динамика подсистемы элитарности.

---

⁹⁹ Лосев А. Ф. *Итоги тысячелетнего развития // История античной эстетики: в 2 кн. М.: Искусство, 1994. Кн. 2. С. 395-411.*

¹⁰⁰ Стирк П. М., Вейгалл Д. *Концепции свободы // Российский бюллетень по правам человека. 1998. № 10. URL: http://politology2004.narod.ru/conceptions_of_freedom.htm (дата обращения 23. 04. 2010).*

¹⁰¹ Светлов Р. В., Касл Л. *Политическая свобода и чаяние загробного существования в античной философии // Материалы 2-й летней молодежной научной школы и историко-политологического семинара. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 200.*

Однако в эпоху эллинизма в развитии культуры происходят значительные изменения. Теперь активность домена элитарности сопровождается повышением активности домена массовости. Раннему эллинизму еще присущи некоторые черты просветительства, что отражается в эстетике трех новых философских школ: эпикурейцев, стоиков и скептиков. Изменившиеся социальные, политические и экономические условия требовали тонкого развития личности, незнакомого строгой классике. Эта новая углубленная и аналитически мыслящая, рефлекслирующая личность заменила глубиной собственных переживаний зависимость от всех классических авторитетов, результатом чего стало создание изысканной культуры субъективных чувств и небывалых по своему разнообразию художественных и эстетических форм¹⁰².

Но в то же время в эллинистическом искусстве мы можем наблюдать отрыв формы от содержания и усиление нарочитой искусственности, роскоши. Стремлению к внешней пышности соответствовало повышенное внимание к интерьеру зданий, их внутреннему убранству; оно «было связано с новой ориентацией образа жизни, в которой пребывание в общественных местах занимало все меньше времени»¹⁰³.

Создавшийся культ формы приводит к распространению бытовизма, эмпирического описательства. Так, например, в поэзии акцентирование чувств и настроений порождает чувствительность и чрезмерность, манерность и напыщенность, резонерство и эстетизм. Рациональная эффективность – наследие греческой классики в эллинизме соединяется с эффективностью – достоянием восточных монархий¹⁰⁴.

Начинается бытовизация религии. Постепенно богов заменяют цари, поскольку они всегда рядом, они могущественнее, и их власть более осязательна. Первыми обожествили своих царей греческие города Афины и Родос. Их явление людям было воспринято как божественное пришествие.¹⁰⁵

Рим воспринял античную культуру именно в эпоху эллинизма, а зна-

---

¹⁰² Лосев А. Ф. *Аристотель и поздняя классика* // *История античной эстетики: в 8 т. М.: Фолио, Аст, 2000. Т. 4. С. 768.*

¹⁰³ Свенцицкая И. С. *Человек и мир в восприятии греков эллинистического времени* // *Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 207.*

¹⁰⁴ Кнабе Г.С. *Культура античности* // *История мировой культуры: наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение. М.: Институт «Открытое Общество», РГГУ, 1998. 429 с.*

¹⁰⁵ Свенцицкая И.С. *Культ императора в Римской державе: от персонального обожествления к формальному культу носителя власти.* URL: <http://www.ecclesia.religmuseum.ru/Researches/sept/svenz200...> (дата обращения 14 сентября 2010).

чит унаследовал (и усилил) все тенденции, характерные для этого периода. Культура имперского Рима – это культура опережающего развития домена массовости.

Претерпевает изменения критерий разделения на «своих и чужих». Так, ещё в птолемеевском Египте для того, чтобы стать александрийцем, надо было пройти гимназий, а чтобы стать римлянином – поступить на государственную службу¹⁰⁶.

Римляне развивали иную, нежели древние греки, концепцию существования в мире, полагая, что призваны достроить космос, поэтому древнеримская культура идет по пути экспансивного расширения своих границ¹⁰⁷. Изменения принципов организации социума неизбежно провоцировали изменение принципов активности подсистем культуры.

Смещаются акценты в трактовке идеального человека. Теперь это не прекрасный внешне и внутренне гражданин полиса, а «достойный муж, искусный в речах», гармонически сочетающий в себе «жизнь созерцательную» и «жизнь деятельную».

Внешняя красота, применительно к образу «достойного мужа», становится фактором вторичным. Не случайно именно в римской культуре активно развивается жанр скульптурного портрета. Римляне оценивают не внешнюю сторону человека, но его поступки. Великий воин или непревзойденный оратор может не быть хорош собой, но он достоин того, чтобы скульптор сохранил его правдивый образ для потомков.

Римский «достойный муж» должен иметь цель – общее благо. Знание общего блага дарует ему философия, а средство для его достижения – риторика. Портрет такого идеального деятеля Цицерон изображает в трактате «Об ораторе...»¹⁰⁸. Таким образом, идеал человека, созданный римской культурой, становится более реален, он больше ориентирован на потребности социума.

Утилитарность становится отличительной чертой древнеримской культуры. Римляне обустроивают пространство: дороги, акведуки, многоэтажные дома призваны сделать жизнь человека более комфортной. Ак-

---

¹⁰⁶ Большаков В.П., Новицкая Л.Ф. Особенности культуры в ее историческом развитии: от зарождения до эпохи Возрождения. Великий Новгород: НовГУ, 2000. 160 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Culture/Bolsh/3_03.php (дата обращения 12 декабря 2009).

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Гаспаров М. Л. Эпоха и культура. Греческая и римская литература II — III вв. н.э. // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1983-1994. Т.1. С.5.

тивно развивается практическая деятельность: если Греция дала миру философию, то Рим – право и риторику. Можно сказать, что если Греция развивает культуру, то Рим выстраивает цивилизацию.

В римском искусстве доминируют сила, а не утонченность, мощь, а не быстрота, массивность, а не красота, утилитарность, а не духовность, факт, а не воображение¹⁰⁹. Театр, являвшийся для Древней Греции одним из важных факторов воспитания и развития человека, в древнеримской культуре потерял свою значимость. Не случайно, вторгаясь в бывшие греческие колонии-поселения, римляне перестраивали амфитеатры под свои нужды – встраивая, например, помещения для зверей. Все это дало основание американскому социологу Д. Уайту утверждать, что к первым элементам массовой культуры можно отнести организацию массовых зрелищ в Древнем Риме, например боев римских гладиаторов, привлекавших многочисленных зрителей¹¹⁰.

Меняет свой аксиологический статус и свобода. Попытка Августа восстанавливать древнюю набожность была поневоле довольно враждебна свободомыслию. Римский мир начал становиться стереотипным, и этот процесс продолжался и при последующих императорах¹¹¹. И когда перед имперским Римом стал вопрос о создании новых духовных и культурных ценностей, стало очевидно, что эта культурная эпоха, оказавшаяся в силу социально-политических факторов под влиянием субъективизма и психологизма, лишившаяся свобод как ценности развития, была способна лишь реставрировать старые идеалы.

Начиная с I века до н.э. тенденция к реставрации постепенно захватывает всю литературу. И II век н.э. в Греческой культуре получил название «второй софистики»¹¹², поскольку здесь реставрировались все идейные и стилистические особенности писателей древней Аттики. Огромное философское направление, занявшее последние четыре столетия античной философии (III-VI вв. н.э.), а именно неоплатонизм, пошло еще дальше. Оно было ничем иным, как философской реставрацией древней мифологии.

Те же тенденции испытывала и римская литература. Поэт Вергилий

---

¹⁰⁹ Поликарпов В.С. *Лекции по культурологии. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. С. 217-216.*

¹¹⁰ *Цит. по: Шестаков В.П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М.: Искусство, 1988. С. 42.*

¹¹¹ Рассел Б. *История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней: в 3 кн. Кн.1. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. С. 340.*

¹¹² *Краснопольская А. П. Софистика и педагогика // Противоречие и дискурс. М.: ИФРАН, 2005. С.157-169.*

изобразил в «Энеиде» религиозного героя. Но в отличие от религиозности героев Гомера, настолько естественной, что она не вызывает сомнений и не требует со стороны поэта никаких особенно напряженных способов изображения, Вергилий на каждом шагу подчеркивает религиозность своего Энея. Напряженная риторика и острый, доходящий до видений, кошмаров и экстазов психологизм, действия Энея, который непрестанно молится, приносит жертвы, гадает, запрашивает оракулов – все это не свидетельствует о естественной религиозности Вергилия¹¹³. Это была насильственная реставрация языческой религии в те времена, когда он доживала свои последние дни.

Таким образом, античная культура эпохи эллинизма и римских империй расширяет ареал своего влияния. Возрастает потребность в адаптации и трансляции культурных норм для населения стран, не знакомых с традициями Античности, что провоцирует активизацию домена массовости. Культура становится в большей степени утилитарной, ориентированной на повседневность. Не случайно Питер Гарнсей замечает: «Необходимость – мать поздней античности»¹¹⁴. Однако было бы неправильно утверждать, что этот период не создал ничего значительного, нового. Развитие права, открытия в области архитектуры и скульптурного портрета – эти и не только эти достижения обогатили мировую культуру. Но такие новации уже не способны определять динамику Античности и культура постепенно все более ориентируется на использование стереотипов и достижений прошлых исторических периодов. В период Поздней империи это привело к стагнации римской культуры¹¹⁵, что можно рассматривать как одну из косвенных причин гибели империи.

2.2 Культура западноевропейского средневековья

Распад Западной Римской империи и связанное с ним крушение всей античной культуры стало началом формирования нового этапа в истории европейской культуры. Становление средневековой культуры началось с периода, традиционно называемого исследователями «Темными веками».

---

¹¹³ Лосев А. Ф. *Аристотель и поздняя классика // История античной эстетики: в 8 т. М.: Фолио, Аст, 2000. Т.4. С. 767.*

¹¹⁴ Garnsey Peter & Humfress Caroline *The Evolution of the Late Antique World. Cambridge: Orchard Academic, 2001. P.54.*

¹¹⁵ Гофф Ле Ж. *Цивилизация средневекового запада М.: Прогресс – Академия, 1992. С. 10.*

Культуру, пережившую расцвет Античности, как бы отбросило назад – в мир варварского бытия. Однако это не было возвращением к первобытному состоянию культуры. Античное наследие и утверждающееся христианство стали опорой для формирования новой европейской культуры.

Но это становление не было и не могло быть одномоментным процессом. Западная Европа в период Раннего Средневековья переживает упадок городской культуры. Самым значительным признаком кризиса оказывается переезд варварских монархов из городов в резиденции-латифундии. Большинство раннесредневековых грамот было подписано королями именно в таких резиденциях. В латифундиях же монархи предпочитали хранить свои сокровища. Минуя города, аристократы германцев путешествовали в сельской местности между виллами, оставаясь в каждой из них до полного исчерпания припасов¹¹⁶. Кажется, что античное наследие навсегда потеряно. Христианство, получившее при Константине Великом статус государственной религии, утрачивает свои позиции – активно распространяются ереси. В результате варварских нашествий часть Запада, например, западно-балканские регионы и Бретань, возвращается к язычеству.

Для наступления нового культурного подъема необходимо было воссоединить эти скудные остатки античной и христианской культуры в общем центре. Этим центром стала франкская держава Каролингов, прежде всего, двор Карла Великого, его Академия. Далее необходимо было, чтобы эта элитарная ученая, книжная культура вступила во взаимодействие с народной германской и романской культурой, обогатила их и обогатилась ими. Этой встрече и взаимопроникновению двух культур способствовали монастыри и монастырские школы, распространившиеся по владениям преемников Карла Великого. «И, наконец, после того, как росток древней культуры был привит к крепкому стволу новой культуры, можно было со временем ожидать первых плодов. Это время наступило в X в., в пору правления немецких Оттонов, и с этих пор культурное развитие Европы более не прерывалось: переход от X к XI в., от XI к XII в. и т. д. плавно, постепенен, и ни разу не прерывается ни такими долгими культурными застоями, как между VI и IX в., ни даже такими краткими, как между IX и X в.»¹¹⁷. Мы не будем глубоко вдаваться в споры, существующие в

---

¹¹⁶ Peter S. Wells *Barbarians to Angels: The Dark Ages Reconsidered* New York: W. W. Norton, 2008. P. 14.

¹¹⁷ Гаспаров М. Л. *Каролингское возрождение (VIII-IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. М.: Наука, 1970. С. 223*

научной среде, по поводу места Каролингского Возрождения в европейской культуре. Оценки этого периода в истории европейской культуры весьма не однозначны. Так, например, С.С. Аверинцев, определяет характер «Каролингского Ренессанса» как ретроспективный и связанный с заветами поздней античности. Для него этот ренессанс не столько начало новой культурной эпохи, сколько конец старой, прощальная улыбка умирающей Римской Империи¹¹⁸. Таким образом, культура Каролингской эпохи приходится на переходный период, затянувшийся надолго, и, как отмечает С. С. Аверинцев, дата 25 декабря 800 года (т. е. коронавание Карла Великого) имеет значение для политической истории, но не для культурной.

Иначе определяет Каролингское Возрождение А.А. Фортунатов. С его точки зрения, это «момент культурного подъема, характеризующий оформление феодальной формации»¹¹⁹.

Расширенную трактовку термина «возрождение» предлагает М.Л. Гаспаров. Если «возрождение» считать просто резким и явственным культурным подъемом после долгого упадка, при котором культура обращается в поисках образцов не к непосредственно предшествующей эпохе, а через ее голову к более отдаленным, то в таком «расширительном смысле» термин «возрождение» с полным правом применим и к культуре Каролингской эпохи¹²⁰.

Против «преувеличенного» понимания Каролингского Возрождения выступает Жак Ле Гофф, говоря, что масштабы Каролингского Возрождения явно преувеличены. Он отмечает, что Каролингское Возрождение, прежде всего, не было новаторским; принятая им программа обучения была всего лишь программой прежних церковных школ; культура каролингского двора ничем не отличалась от культуры варварских королей, а королевская академия была чем-то вроде светского увеселения. Ограниченность Каролингского возрождения была predetermined тем, что оно отвечало неглубоким потребностям узкой социальной группы¹²¹.

Тем не менее, Ж. Ле Гофф отмечает и значительную роль Каролингского Возрождения, которое «было одним из этапов становления интел-

---

¹¹⁸ Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976. С. 18.

¹¹⁹ Фортунатов А.А. Алкуин и его ученики. // Цит. по: Пиков Г.Г. Из истории европейской культуры. Новосибирск: НГУ, 2002. URL: <http://gkaf.narod.ru/pikov/08.html> (дата обращения 26.08.2010).

¹²⁰ Гаспаров М. Л. Каролингское возрождение (VIII-IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. М.: Наука, 1970. С. 223.

¹²¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада М.: Прогресс – Академия, 1992. С. 121.

лектуального и художественного арсенала средневекового Запада... Оригинальные сочинения каролингских писателей составили после Раннего средневековья пласт знаний, оказавшихся в распоряжении образованных людей последующих веков... некоторые архитектурные памятники Каролингской эпохи стали образцами для подражания... Наконец Каролингское Возрождение произвело шедевры миниатюры, в которых вновь проявился реализм, вкус к конкретным деталям, свобода линии и яркость цвета»¹²².

Многие историки, однако, придают особое значение деятельности Карла Великого, в период его правления было юридически оформлено «обновление Римской империи». Именно наведение порядка в христианском обществе в соответствии с августиновской идеей ставил целью, по мнению Стефана Лебека, Карл Великий, и на достижение этой цели была направлена и политическая, и культурная деятельность императора. Таким образом, идея христианской империи, сформированная при дворе Карла Великого, обратила взоры деятелей дворцовой «Академии» к поиску образов, моделей, объемов и перспективы именно в имперской античности. Отсюда «великое Каролингское Возрождение – возрождение через вторичное открытие античного искусства»¹²³.

Возможно, на столь явную неоднозначность трактовок оказало влияние применение понятия «Возрождение» к данному периоду истории европейской культуры. Спорность этого термина в данной ситуации очевидна. Однако для нас важно другое – большинство исследователей, споря о правомочности терминологии, связывает Каролингское Возрождение с подъемом культуры и началом становления «интеллектуального и художественного арсенала средневекового Запада».

Таким образом, мы можем утверждать, что в эпоху Каролингского возрождения активность домена элитарности возрастает. Однако специфика исторической, политической и экономической ситуации определяет особенности этого процесса. Наличие предыдущего культурного опыта (а следовательно, и культурных образцов) при общем состоянии культурного хаоса, достаточно сильное влияние христианской церкви, отсутствие прочной государственности – все это определило специфику Каролинг-

---

¹²² Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового запада* М.: Прогресс – Академия, 1992. С. 122-123.

¹²³ Лебек С. *Происхождение франков V-IX века.* // *Цит. по: Тейс Л. Наследие Каролингов IX-X века. Новая история средневековой Франции: в 2 т. М.: Скарабей, 1993. Т.1. С.301.*

ского Возрождения. Как уже отмечалось раньше, именно наведение порядка в христианском обществе в соответствии с августиновской идеей, ставил перед собой целью Карл Великий, и на осуществление этой цели была направлена и политическая, и культурная деятельность императора. Но переплетение политики и культуры не отменяет творческого начала, присущего данному этапу европейской культуры. Попробуем это доказать.

Система образования, существовавшая в позднеримскую эпоху, находилась в безусловном упадке. «Когда Карл стал единовластным правителем в западных странах мира, занятия науками почти повсюду были забыты, и потому люди охладели к почитанию истинного божества...»¹²⁴. Долгое время до короля Карла в Галлии никто не занимался свободными науками. Последним оплотом знаний была христианская церковь. Это вынудило императора именно у церкви искать поддержки своих начинаний.

Города и монастыри становятся центрами новой педагогики, которую можно назвать условно реновационной, акцент в ней делается на личности¹²⁵. Существует легенда о том, как император зашел в школу для клириков. Прислушиваясь к вопросам учителя и ответам учеников, он понял, что дети богатых семей отвечали хуже, а дети бедных лучше. По окончании вопросов император обратился к ученикам с речью и сказал им прямо относительно их будущего, что не станет обращать внимания на лица и положения, и бедным, но отличившимся в учении раздаст лучшие епархии¹²⁶. Около 787 года выходит «капитулярий о науках», предписывавший при каждом монастыре и при каждой епископской кафедре открывать школы для всех, кто способен учиться. Таким образом, в основе отбора потенциальной элиты лежал принцип личных способностей. Сначала новые города, а потом и монастыри становятся центрами новой педагогики, акцент в которой делается на личности¹²⁷.

Стремление сформировать необходимые кадры для проведения государственных реформ определило направленность творческого потенциала культуры Каролингского Возрождения. Так, в сфере образования именно в период правления Карла Великого главой придворной школы и

---

¹²⁴ Ноткер Заика Деяния Карла Великого // Цит. по: Памятники средневековой латинской литературы IV-IX вв. М.: Наука, 1970. С.299.

¹²⁵ Пиков Г. Г. Из истории европейской культуры. Новосибирск: НГУ, 2002. URL: <http://gkaf.narod.ru/pikov/08.html> (дата обращения 26.08.2010)

¹²⁶ Егер О. Всемирная история: в 2 т. Т. 2: Средние века. М.: АСТ, 2000. 696 с.

¹²⁷ Пиков Г.Г. Из истории европейской культуры. Новосибирск: НГУ, 2002. URL: <http://gkaf.narod.ru/pikov/08.html> (дата обращения 26.08.2010).

придворной академии англосаксов Алкуином были составлены учебники по основным предметам (учебники эти не выходили из употребления несколько столетий) и выработаны методики преподавания¹²⁸.

Даже на основании не очень обширной информации можно сделать вывод о том, что важнейшим итогом развития каролингской педагогики является именно складывание первой в истории Европы модели универсальной педагогической системы, для которой характерен целый ряд особенностей:

- акцент на человеке – осмысление его роли и места;
- определенный акцент на индивидуализме, естественно, настолько, насколько он возможен в то время;
- рационализм, как минимум, в структуре и программе образования;
- появление и первоначальное развитие идеи всеобщего образования в рамках христианской традиции;
- ориентация учеников на общественно-полезный труд;
- сочетание студийного и классного образования;
- интерес к окружающему миру и обучение с помощью «мирских» примеров;
- акцент на языке: филология – служанка богословия, но уже намечается и путь к философии.

Значение каролингской педагогики достаточно велико. Это не просто страница истории педагогической мысли:

- наносится первый осязаемый удар по педагогике традиционного общества;
- намечается переход к универсальной педагогике;
- положено начало складыванию национальных педагогических систем;
- закладываются основы секулярной педагогики;
- положено начало демократизации системы образования¹²⁹.

Центром культурных преобразований впервые за минувшие века стал город Аахен – столица империи Карла. Это и обращение реформ к традициям Античности стало важной вехой в начавшемся в Европе процессе урбанизации. Именно к античной культуре, прежде всего, и потяну-

---

¹²⁸ Гаспаров М.Л. *Каролингское возрождение (VIII-IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. М.: Наука, 1970. 443 с.*

¹²⁹ Пиков Г.Г. *Из истории европейской культуры. Новосибирск: НГУ, 2002. URL: <http://gkaf.narod.ru/pikov/08.html> (дата обращения 26.08.2010).*

лись горожане в поисках полезных знаний или аргументов в пользу своего существования, образцов для решения своих проблем, не только социальных или экономических, но и этических.

Рост многомыслия нашел отражение и в сфере философии. В этот период закладываются основы схоластики, которая вынуждена отвечать на появляющиеся со стороны городского населения вопросы к богословию. Крупнейшим ее представителем стал Иоанн Скотт Эриугена. Он известен как переводчик на латинский язык Григория Нисского и Псевдо-Дионисия, к трудам которого он составил любопытные комментарии. Известны также комментарии Иоанна Скотта на Евангелие от Иоанна и произведения философа Боэция. Написал он и трактат о свободных искусствах.

В литературе этого периода формируется мощная светская традиция. В творчестве одного из самых талантливых и своеобразных стихотворцев, ирландского «ученого поэта» Седулия Скотта появляются мотивы намеренной вульгаризации и осмеяния традиционных форм поэзии. К этому жанру относятся «Деяния императора Карла Великого» неизвестного «саксонского пиита», описывающего покорение и крещение саксов; «Парижская война» Аббона Сен-Жерменского – описание осады Парижа норманнами в 885-886 гг.; «Славословие Беренгарию, непобедимому кесарю», анонимная поэма в честь итальянского короля, в 915 г. ставшего императором. Интерес к истории приводит к появлению исторических поэм. Патриотизм и интерес к реальной жизни характерен для дружинной и городской поэзии. Латинский язык был понятен всем, и жители, и дружинники сочиняли патриотические стихи во славу собственного города.

Таким образом, созданная узким кругом людей – членов Академии и сторонников Карла Великого – культура Каролингского Возрождения задавала направление всей западноевропейской средневековой культуре и заложила основы средневекового мировоззрения и образования¹³⁰.

Однако при преемниках Карла Каролингский двор переставал быть культурным центром – латинская культура опять уходила в монастыри. Не получая новых импульсов извне, обреченная перерабатывать культурное наследие времен Академии, вынужденная примеряться к нуждам полуграмотного и безграмотного большинства, монастырская культура оказа-

---

¹³⁰ Фортунатов А.А. Алкуин и его ученики // Цит. по: Пиков Г.Г. Из истории европейской культуры. Новосибирск: НГУ, 2002. URL: <http://gkaf.narod.ru/pikov/08.html> (дата обращения 26.08.2010).

лась перед угрозой постепенной варваризации, полного растворения в народной культуре. Признаки этой опасности были вполне реальны: первая половина X века поражает совершенным бесплодием. Монастырские хроники этих лет отличаются испорченностью латинского языка. Императорской власти не существовало, папский авторитет был подорван борьбой аристократических партий в Риме, с севера и запада Европу опустошали норманны, с востока – венгры; политический упадок сопутствовал культурному. Казалось, что вновь настали «темные века»¹³¹. Из этого кризиса Европу вывело восстановление и укрепление императорской власти в X в. и папской власти в – XI веке.

Период классического средневековья – это период одновременной активности подсистем элитарности и массовости. Развивается клерикальная культура, поскольку в иерархии сфер средневековой культуры доминирующее место принадлежало богословию (теологии). Другие сферы культуры – философская и научная мысль, система образования, искусство – были призваны служить богословию и воспринимались, прежде всего, как средства приобщения человека к Богу, постижения его сущности.

В то же время в классическом средневековье на первый план выходит новая уникальная культурная элита. Ее представителем было военное сословие, зародившееся еще в VII-VIII века – рыцарство. Расцвет рыцарской культуры приходится на XII-XIII века, что было обусловлено, во-первых, окончательным его оформлением в самостоятельное и могущественное сословие, во-вторых, – приобщением рыцарства к образованию (в предшествующий период большая его часть была неграмотной)¹³². Если в раннем средневековье в основе аксиологической системы рыцарства были ценности в основном военно-героического характера, то к XII столетию формируется специфически рыцарские идеалы. Рыцарские ценности подверглись систематизации и универсализации, им был придан широкий этический смысл. Эти новые ценности легли в основу светской, так называемой куртуазной литературы – рыцарской лирики и рыцарского романа. Специфической чертой рыцарского поведения была куртуазность, или особый ритуал отношений и нравственных категорий, диктуемых придворным этикетом. Преемником куртуазной культуры с ее изысканностью

---

¹³¹ Гаспаров М. Л. *Каролингское возрождение (VIII-IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. М.: Наука, 1970. С. 242.*

¹³² *Корякина Е. П. Культура средневековой Западной Европы: мировоззренческие принципы и система ценностей. М.: МГИ им. Е. П. Дашковой, 2003. С. 32.*

манер и поведения, рыцарского служения благородной Даме стала европейская мода на галантность, распространенная в эпоху барокко и маньеризма¹³³.

В XI веке проявляется еще тенденция, заложенная во времена Каролингского Возрождения – в Западной Европе начинают расти старые города, и возникают новые – так формировалась «новая реальность, в том скандальном значении, которое придавало понятию новизны Средневековья»¹³⁴. В городах зарождался новый образ жизни, новое видение мира, новый тип людей. Городская культура – культура широкого слоя населения. Но городское население обладает одной характерной чертой – оно «пестрое и неустойчивое»¹³⁵. Сущность организации городской жизни, ориентированность на развитие ремесла и торговли диктовали потребность в грамотных людях, и качественно новым этапом в развитии городской культуры стало возникновение городских школ и высших учебных заведений – университетов. Университеты открываются в Болонье (1088 г.), позже – в Париже (1160 г.), Оксфорде (1167 г.), Кембридже (1209 г.). В XIII-XV веках они существовали уже почти во всех европейских странах.

Близость городской и народной культур наиболее ярко отразила городская литература. Формируется самостоятельный пласт пародийной литературы на народных языках. Большой популярностью у городского населения пользуются светские пародии, осмеивающие рыцарскую героику (появляется, например, комический двойник Роланда). Создаются пародийные эпосы средневековья. Так, в XIII веке появилась эпическая поэма «Роман о Лисе», героями которой были хитрый лис Ренан, глупый волк Изенгрин и простоватый лев Нобле, в их поведении легко угадывались человеческие черты¹³⁶.

К XIII веку относится возникновение городского театра. Но средневековый театр не претендует на элитарность целей. Его удел не духовное очищение человека – катарсис, а поучение – моралите и развлечение. Распространяются светские фарсы – юмористические сцены, в которых реалистически изображается жизнь горожан. Особый тип фарсовых пред-

---

¹³³ Руа Ж. Ж., Мишо Ж. Ф. *История рыцарства*. М.: Эксмо, 2007. 448 с.

¹³⁴ Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового запада*. М.: Прогресс – Академия, 1992. С. 273.

¹³⁵ Россер Дж. *Братства и социальное взаимодействие в средневековых английских городах // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.3 : Человек внутри городских стен. Формы общественных связей*. М.: Наука, 1999. С. 204.

¹³⁶ Корякина Е. П. *Культура средневековой Западной Европы: мировоззренческие принципы и система ценностей*. М.: МГИ им. Е. П. Дашковой, 2003. 39 с.

ставлений составляли пародии на церковную службу. Веселые масленичные представления и народные спектакли дают начало организациям «дурацких корпораций» — объединениям мелких судейских чиновников, разнообразной городской богемы, школяров, семинаристов.

Однако не только театр или городская литература служили для забавы горожан. Особым родом развлечения были публичные смертные казни. Как отмечал Н. Элиас, жители средневековых немецких городов специально собирались посмотреть на повешенных мужчин-преступников, у которых в момент казни наступала эрекция. Пристрастие к подобного рода зрелищам объяснялось их ярко выраженным общественным характером¹³⁷. Жак Ле Гофф в своей работе «Цивилизация средневекового Запада» указывает на то, что для средневековья город всегда оставался «символом экстраординарности»¹³⁸. Но применительно к европейской городской культуре необычность не будет означать элитарности. Необходимость образования средневекового города определялась экономической, торговой, а чуть позже и ремесленной функциями. Их выполнение требовало не только постоянного притока населения, но и тиражирования знаний. Характерными чертами городской культуры можно считать доступность, яркость, зрелищность, иногда очень низкого уровня — все это позволяет отнести функционирование городской средневековой европейской культуры к домену массовости.

Самым явным проявлением последнего стала народная культура этой эпохи. Культура «Великого немого», «великого отсутствующего», «людей без архивов и без лиц», лишенная непосредственного доступа к средствам письменной фиксации культурных ценностей¹³⁹, вынуждена была в своем развитии опереться на традицию. Народная средневековая культура — это культура, в которой схемы сознания и мышления абсолютно тождественны схемам поведения, клишированным на тысячелетия. Субъектом средневековой народной культуры (как, впрочем, и народной культуры в целом) является коллектив, нерасчлененный коллектив; может быть, даже точнее — коллективность, этакая диффузная неограниченная сила.

---

¹³⁷ Цит. по: Тогоева О.И. *Казнь в средневековом городе: зрелище и судебный ритуал // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3: Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М.: Наука, 1999. С. 354.*

¹³⁸ Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового запада. М.: Прогресс – Академия, 1992. С. 273.*

¹³⁹ Гуревич А.Я. *Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. С. 8.*

Таким образом, в период классического средневековья в европейской культуре проявляется как активность домена элитарности, так и активность домена массовости. Вместе с тем необходимо учитывать традиционность средневековой культуры как таковой. Ориентированность на авторитеты, образцы и каноны, доминирование схоластических представлений, боязнь новаций – все это определило доминирование домена массовости в динамике культуры этого периода.

2.3 От Возрождения к Новому времени

Началом периода системных изменений в истории западноевропейской культуры стало Итальянское Возрождение. И здесь мы снова можем наблюдать триаду формирования качественно нового этапа культуры: период активности элитарной подсистемы формирует те новационные изменения, которые на втором этапе совместной активности бинарных дифференциаций элитарности и массовости станут достоянием всех носителей культуры, а опережающая активность подсистемы массовости на третьем этапе приведет к появлению новой формы реализации домена массовости.

Неоднозначность этого феномена до сих пор провоцирует споры ученых. Мы не будем вдаваться в суть дискуссии, однако отметим, что концепция данной работы предполагает выделение культуры Итальянского Возрождения в особый этап, поскольку его задача – подготовить необходимую базу для дальнейшего развития западноевропейской культуры. Культура Итальянского Возрождения – культура элитарная. Поскольку только она обладает способностью к созданию принципиально новых основ для культурного развития. Итальянское Возрождение формируется в рамках средневековой культуры. Неоднозначность его положения – между старым и новым – приводит к тому, что в культуре Италии второй половины XIII – первой трети XVI веков параллельно сосуществуют процессы, характерные как для одного, так и для другого этапа.

Культура Итальянского Возрождения сформировала новый идеал человека. Подчеркивая важность моральной активности и познавательной деятельности человека, указывая на необходимость его свободы и «универсальности», гуманисты сформулировали этот идеал не на основе природной данности, но применительно к специфически культурной сущности индивида. Согласно Пико делла Мирандоле, имени человека достоин

далеко не всякий, кто рожден на свет, но лишь тот, кто приобщен к знаниям и к образованности, ибо отличие человека от прочих тварей в том, что он «животное ученое». Таким образом, ученость толковалась не как природное свойство человека, а как результат упорного труда и овладения богатствами культуры.

Подобная потенциальность истинной сущности, человеческих способностей, определяет особую роль свободы, воли и настойчивости каждого в преодолении собственной природной дикости и инстинктов. В «Речи о достоинстве человека» Пико прямо говорил: «Если ты увидишь ползущего по земле на животе, ты увидишь не человека, а кустарник, и если увидишь... охваченного соблазнами раба чувств, ты увидишь не человека, а животное. И если ты увидишь философа, все распознающего правильным разумом, уважай его, ибо небесное он существо, не земное. Если же видишь чистого созерцателя, не ведающего плоти и погруженного в недра ума, то это не земное и не небесное существо. Это – более возвышенное, божественное, облаченное в человеческую плоть»¹⁴⁰.

Возможно, не все мыслители итальянского Возрождения были согласны с принципом «созерцательного максимализма» Пико делла Мирандолы, но все они в качестве критерия нового человека утверждали его творческие способности в пространстве культуры.

Никто из деятелей Возрождения не сформулировал «кредо» ренессансного гуманизма, но его все же можно достаточно уверенно реконструировать. Это вера в разум культивированного и культурного человека, овладевающего знаниями, добытыми античностью и оплодотворенными христианской верой. Достоинство такого человека – результат абсолютного развития его божественного содержания – духовных способностей, ибо только это позволит человеку стать почти равным самому Богу¹⁴¹.

То же представление о творческом величии человека мы находим и в принципах антропоцентризма, сформулированных итальянцами. Гуманисты не отказываются от христианского представления о мире и человеке: Бог является не центром мироздания, но его создателем. Человек же – «венец творения», созданный по образу и подобию Божию, поставленный властвовать над всем природным универсумом (Бытие, 1, 26-28).

---

¹⁴⁰ Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология: в 2 т. М.: Искусство, 1981. Т.1. С. 250.

¹⁴¹ Косиков Г.К. Средние века и Ренессанс. Теоретические проблемы // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000-2000. М.: Высшая школа, 2001. С. 29.

Вместе с тем итальянское Возрождение особый акцент сделало на величии человека, способного возвыситься до своего создателя. Так, например, Дж. Манетти прославлял человека как самое ценное существо в мире – «мир создан всемогущим богом из ничего и ради людей», самого же человека Бог сделал «прекраснейшим, благороднейшим, мудрейшим, сильнейшим и, наконец, могущественнейшим»¹⁴².

Итогом ренессансного синтеза античной и средневековой культур стало явление, которое Г.К. Косиков охарактеризовал как «интеллектуальный сдвиг»¹⁴³. Античная мудрость, к которой апеллировал итальянский гуманизм, состояла из различных, иногда взаимоисключающих представлений о сущности человека. Приняв и усвоив это многообразие, светский гуманизм актуализировал вопрос о многогранности и богатстве человеческой природы, принципиально не укладывающейся в одну какую-нибудь, пусть даже и весьма привлекательную, доктрину. Разные итальянские мыслители придерживались разных философско-этических воззрений, но гуманизм в целом создавал условия именно для их свободного сосуществования.

Так формируется, по меткому выражению Л. М. Баткина, атмосфера интеллектуального «плюрализма»¹⁴⁴, которая является одной из самых важных черт ренессансной культуры, поскольку именно признание интеллектуального плюрализма стало одним из факторов, позволивших европейской культуре выйти на новую ступень развития. В обществе укрепился светский духовный климат. Гуманизм отвоевал относительно автономную область, где могла укрепиться свободная мысль, составлявшая естественную оппозицию любым попыткам вернуться к авторитаризму, в том числе и внутри самого гуманизма. Именно в этом сказалось его «разрушительное влияние» на «замкнутое в своем классовом содержании церковное мировоззрение средневековья эпохи его расцвета»¹⁴⁵.

Особую роль ренессансная культура сыграла и в подготовке типа мышления, характерного для культуры Нового времени, несмотря на то, что структура научного знания, выработанная в XVII веке, не только радикально отличается от принципов научного представления в эпоху Воз-

---

¹⁴² Манетти Дж. *О достоинстве и превосходстве человека // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: сб. текстов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. Ч. 2. С. 18, 21.*

¹⁴³ Косиков Г.К. *Средние века и Ренессанс. Теоретические проблемы // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000-2000. М.: Высшая школа, 2001. С. 30.*

¹⁴⁴ Баткин Л. М. *Итальянское Возрождение: Проблемы и люди. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 45.*

¹⁴⁵ Сказкин С. Д. *Из истории социально- политической и духовной жизни Западной Европы в Средние века. М.: Наука, 1981. С. 176.*

рождения, но и вынуждена преодолевать их. Однако без тех основ, которые были созданы духовным климатом Итальянского Возрождения, научной мысли Нового времени не на что было бы опереться. И пусть идеи Галилея прямо отталкивались как от схоластических, так и от гуманистических мыслительных парадигм XVI века, открытия, им сделанные, были бы принципиально невозможны, если бы Возрождение не прервало эпоху господства томистской философии.

Но наиболее ярко новации, связанные с эпохой Итальянского Возрождения, проявили себя в искусстве. Оно вновь обращается к человеку, говорит о красоте его тела, о сложности его эмоций. Однако, чтобы передать все это на холсте или в мраморе, необходимо было искать технические приемы, соответствующие новым задачам. Так была решена проблема линейной перспективы и правильных пропорций при изображении тела человека. Высокий Ренессанс – наивысшая точка расцвета итальянского искусства, оно отрешается от частных и незначительных подробностей во имя обобщенного образа. «На первый план выдвинулась проблема гражданского долга... подвига, образ прекрасного, гармонично развитого, сильного духом и телом человека – героя, сумевшего подняться над уровнем повседневности»¹⁴⁶.

Ориентированность Итальянского Возрождения на творческую потенцию личности коренным образом поменяла статус художника в этой культуре. Наглядным примером этого являются контракты, заключавшиеся между художником и заказчиком. Анализ ранних контрактов показывает, что в них отсутствуют параграфы, оговаривающие мастерство исполнителя. Так как считалось, что «качество, точнее, ремесленная добротность произведений есть нечто само собой разумеющееся, она гарантируется цехом, в котором состоит живописец или скульптор. Такая форма оплаты – по сырью и затраченному времени – вообще характерна для ремесленного производства раннеренессансной Италии»¹⁴⁷.

Но уже к середине XV века в текстах контрактов появляется особое требование к мастерству исполнения. А во второй половине столетия во многих контрактах работа художника уже может фигурировать в виде отдельной статьи расходов заказчика. Так, например, в одном из контрактов Боттичелли указано: 38 флоринов за доску и золото, 2 флорина за ультра-

---

¹⁴⁶ Ильина Т.В. *История искусств. Западноевропейское искусство. М.: Высшая школа, 1993. С. 99.*

¹⁴⁷ Головин В. *Мир художника Раннего итальянского Возрождения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.*

марин, 24 флорина за раму и 35 флоринов «за его [Боттичелли] кисть», т.е. за исполнение¹⁴⁸. С конца XV в. в контрактах начинают платить отдельной строкой за «*invenzione*» и «*ingenio*», т.е. за изобретательность, художественный замысел, интеллектуальные способности и талант.

Особенный статус художника-творца привел к тому, что в XV столетии принадлежность к ремесленной организации уже не удовлетворяла художников. И когда в 1539 г. цех мраморщиков Рима попытался воспрепятствовать работе приезжих скульпторов, папа Павел III специальным указом освободил Микеланджело и еще нескольких мастеров от подчинения цеху¹⁴⁹. В обосновании этого решения было сформулировано различие между скульптором и мраморщиком, иными словами, между художником-творцом и обычным ремесленником.

Таким образом, культура Итальянского Возрождения, высоко оценив творческое начало в человеке, придала ему критериальный статус. Творческая потенция стала основой идеала человека; именно в творчестве человек мог приблизиться к Богу; творческое начало стало границей, разделившей деятельность обычного ремесленника и художника. Гуманизм серьезно подорвал позиции клерикализма и консервативной схоластики, он стимулировал запрос на умственный труд и заметно способствовал его превращению в самостоятельную профессию, он утвердил роль таланта и светской образованности. В.В. Лазарев справедливо замечает: «Гуманизм, центральное культурное явление Возрождения, в целом не был антихристианством. Гуманизм явился вызовом традиционному средневековому образу жизни и богословско-схоластическому мышлению»¹⁵⁰.

Этого было достаточно, чтобы сдвинуть систему с мертвой точки: заявившая о себе духовная мощь возрастающей художественной и философской культуры уже не могла не привести в движение процессы брожения внутри церкви, желающей оставаться значимой величиной духовной культуры не силой и авторитетом государственной власти, а собственным авторитетом.

Итальянское Возрождение формирует в западноевропейской культуре интеллектуальный плюрализм, неизвестный средневековой культуре, он стал основой развития свободы мысли. То, что в эпоху Просвещения

---

¹⁴⁸ Головин В. *Мир художника Раннего итальянского Возрождения*. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

¹⁴⁹ Базен Ж. *История истории искусства: от Вазари до наших дней*. М.: Прогресс, 1994. 524 с.

¹⁵⁰ Лазарев В.В. *Становление философского сознания Нового Времени*. М.: Наука, 1987. С. 14-16.

представляло вопрос уже решенный со всей однозначностью, в эпоху Возрождения обретало значимость самой постановкой вопроса. Переворот в культуре начинается с переворота в мышлении, с выбора приоритетов и стилей: «Ренессанс подорвал средневековую авторитарность мышления, не отбросив ее, а, наоборот, доведя до предела и обратив в противоположность. ... Античные, церковные, восточные авторы — все авторитетны, и потому любой авторитет (даже Святого писания) стал частичным, относительным, а не полным выражением истины»¹⁵¹. Авангард эпохи Возрождения – философия и искусство вовсе не стремились к какому-либо идейному доминированию ни в себе, ни для себя. Если средневековая традиция жестко привязывала философию и искусство к богословию, к церковному учению и его проблематике, художники и философы Возрождения расширили границы своего интереса. Их привлекали житейская мудрость и чувственно-практический опыт, научное знание и новое учение о природе, писания древних и новейшие открытия (включая географические), мифология, магия и алхимия, астрономия и астрология. Первые признаки энциклопедизма ярко проявил Леонардо да Винчи... Но если итальянские гуманисты только подошли к формированию нового типа мышления, то итальянские художники совершили переворот в искусстве.

Став вновь антропоцентричным, искусство ренессанса подарило миру такие открытия, как витрувианский человек, решение проблем линейной перспективы и правило расположения предметов в пространстве. Все эти черты, все достижения Ренессанса были органически усвоены позднейшими эпохами. Тот творческий потенциал, который несла в себе и на базе которого развивалась культура Итальянского Возрождения, позволяет утверждать, что в основе ее формирования лежала активность домена элитарности.

Но вместе с тем ренессансная культура не превратилась в механизм, который способен был бы регулировать основы общественной жизни в эпоху, когда существовало ренессансное движение. Элитарность Ренессанса проявилась и в ограничении круга тех, кто оказался вовлечен в эти перемены.

Ментальность основной части не только западноевропейского, но и итальянского населения почти до конца XVIII века оставалась средневе-

---

¹⁵¹ Баткин Л.М. *Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления*. М.: Наука, 1978. С. 69.

ковой¹⁵². Причину этого Г. К. Косиков видит в том, что по самой своей сути ренессансный гуманизм был направлен не на преобразование социальных механизмов, религиозных и политических институтов, а на воспитание конкретных индивидов, так что общество «универсальных» людей должно было составиться из подобных индивидов как бы само собой, по мере их просвещения¹⁵³. Такая культуранцентристская утопия, равнодушная к доктринальному и организационному оформлению, к превращению в практическую общественную силу, не могла, разумеется, не проникнуть в сколько-нибудь широкую народную среду. Множественность и всевозможность проявлений человеческой мысли еще не превращала ренессансное мышление в «боевой клич» по коренному переустройству социальной структуры общества и радикальному изменению статуса церкви в духовной культуре. Но она сделала максимум для того, чтобы посеять сомнения в единственности и правильности средневековых установлений, включая унаследованную от средневековья католическую догматику. Совершенно ясно, что никакое реформационное движение внутри церкви было бы невозможно без этой кропотливой работы возрожденческого духа. И здесь очень уместны будут слова К. Маркс: «крот истории знает свое дело». Северное Возрождение, а затем и Просвещение выполнило в этом процессе роль транслятора новых начал культурного развития, но для их вживления в культурное поле Европы потребовался продолжительный этап, завершившийся в конце XIX века созданием нового вида культуры.

Гуманизм, потенциальная основа культурных преобразований, оставался (как уже было доказано ранее) идейной ориентацией довольно узкого круга культурных слоев общества, который резко контрастировал на широком фоне неграмотных, невежественных, исполненных религиозных предрассудков и суеверий народных масс. Между образованным классом и народом существовало взаимное недоверие, непонимание и подозрительность. Чтобы новации, выработанные внутри элитарной культуры Итальянского Возрождения, стали достоянием всех слоев населения, необходимо было облечь их в формы, наиболее тесно связанные с подсистемой массовости. Для европейской культуры конца XVI–XVII веков такой формой была, бесспорно, религия, поскольку в эпоху тотального гос-

---

¹⁵² Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового запада*. М.: Прогресс – Академия, 1992. 376 с.

¹⁵³ Косиков Г.К. *Средние века и Ренессанс. Теоретические проблемы // Зарубежная литература второго тысячелетия*. 1000-2000. М.: Высшая школа, 2001. С. 34.

подства церкви и религиозного сознания всякая решительная новация в сфере политико-экономических отношений с неизбежностью должна была обретать «религиозное облачение»¹⁵⁴. Как справедливо заметил Куно Фишер: «Чтобы сдвинуть с места мир, нужно искать точку опоры вне его. По отношению к церкви дело обстоит иначе. Нужно пребывать в ней и притом в самой глубокой вере, чтобы подорвать господство церкви и изменить основы веры. Это преобразование и обновление религиозного сознания есть реформация в церковном смысле»¹⁵⁵.

Личностный потенциал христианства оставался долгое время нереализованным, прикованным к догматике до того момента, пока Возрождение, наконец, не высветило идеальную, эстетически выверенную матрицу творческого начала в человеке и его причастности к Творению. Но именно Реформация трансформировала средневековую догматику в соответствии с этой матрицей и сформировала глобальную культурно-историческую установку на личностное развитие.

Само христианство, если следовать логике Эразма Роттердамского, возникает на ниве высших достижений светской культуры античности и, прежде всего, учений платоников, а также произведений Цицерона и Сенеки. Смысл христианства — в нравственном совершенствовании человека. Таким образом, северный гуманист впервые применяет культурологическую методологию к анализу истории и логики происхождения христианства. Здесь уже не человек для христианского откровения, а христианское откровение для становящегося человека. Эразм выявляет доминанту христианства не во внешней обрядовости и формализме догматических предписаний, а в культивировании человеческого в человеке, по сути, в этике, представленной в посланиях апостола Павла, его учении о «внутреннем человеке», который и есть «разум». Тем самым Эразм с самого начала делает ставку на ученое христианство, соединяющее философию и веру и через философию постигающее собственные глубины¹⁵⁶.

Как отмечает В.Д. Жукоцкий, поколение Эразма выводит гуманистическое самосознание европейской культуры на новый этап: отныне за-

---

¹⁵⁴ Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Реформация как универсалия культуры: переключки эпох и поколений // Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. С. 10.

¹⁵⁵ Фишер К. История новой философии. СПб., 1906. Т. 1. С. 127 // Цит. по: Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Реформация как универсалия культуры: переключки эпох и поколений // Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. С. 52.

¹⁵⁶ Роттердамский Э. Наставления христианскому воину (отрывки) // Антология мировой философии: Возрождение. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. С. 478.

дача истинного гуманиста связана не с отрицанием или уходом от старого христианского сознания, а со стремлением возвысить или приподнять это сознание до своего уровня¹⁵⁷. Стилистика этого начинания — вовсе не назидание и поучение. Эразм Роттердамский и его сторонники выбирают форму, наиболее понятную и привычную для простого населения — иронию саморазоблачения. Она достигает своего совершенства в «Похвале Глупости»¹⁵⁸, где развеселая Мория гуманистического разума как бы нечаянно и между прочим обнажает язвы заскорузлой догматики и исторической практики богословствующих, вещающих якобы от лица Господа, а на деле погрязших в беспробудной глупости.

Враждебность окружения, в котором развивалась радикальная новация гуманистического мировоззрения, привела к тому, что только ирония — часть привычного для народной культуры, смехового пространства, могла расчистить жизненное пространство для преобразований. Новоренессансное сознание иронически смещало акценты: в противовес старосхоластическому императиву, утверждавшему, что мир «лежит во грехе», оно доказывало — «глупость царит над миром». На смену мрачно-средневековому «все есть грех» пришел его ренессансный пересмешник «все есть глупость». Торжество игрового элемента сдвинуло с мертвой точки не только сознание, но и мир, к которому оно было приковано.

Культурологический статус Реформации выражает фундаментальную идею эволюции культурных форм от жестко догматических, представленных в ореоле святости и коллективного обрядового действия, ко все более свободным, критическим и самопорождающим, открывающим святость в акте индивидуального творческого деяния, имеющего конкретного или абстрактного адресата в пространстве духовной культуры. В этом смысле само слово протестантизм (и протестант) обретает уже не узкорелигиозное и конкретно-историческое звучание, а статус культурологической категории, выражающей право человека на протест, на решительное обновление данных ему от рождения культурных форм. Георг Зиммель видел в этом фундаментальный закон культуры, живую диалектику (единство и борьбу) старых культурных форм и нового культурного содержания¹⁵⁹.

---

¹⁵⁷ Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Реформация как универсалия культуры: переключки эпох и поколений // Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. С. 23.

¹⁵⁸ Роттердамский Э. Похвала глупости: Сочинения. М.: Эксмо-Пресс : ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. 688 с.

¹⁵⁹ Зиммель Г. Изменение форм культуры // Зиммель Г. Избранное. Т. 1: Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 483-516.

Общим культурно-историческим достижением протестантизма стало утверждение принципа свободы совести, права на свободный выбор религии и форм религиозного вероисповедания. Однако процесс «вхождения» новаций, начало которому было положено еще Итальянским Возрождением, закончен не был. Европе требовалась не узкая церковная, а глобальная – общекультурная Реформация. Необходимо было сформировать основы новой культуры и дать человеку «инструмент» для ее построения. Религия, бывшая более тысячелетия культурообразующей формой, уже не могла ответить на эти «вызовы» социума. Все преобразования культуры Нового времени будут связаны с другой, так же массово ориентированной, но уже в силу принципа прогресса, формой культуры – с наукой.

Именно наука формирует новоевропейскую картину мира, радикально отличную от средневековой. Средневековый иерархичный Космос был заменен на однородное, ценностно недифференцированное пространство – безграничную Вселенную, где все объекты принадлежат к одному и тому же онтологическому уровню и подчиняются не сверхъестественным «причинам», а вполне естественным законам, познаваемым в эксперименте. В такой Вселенной нет места для идей телеологизма, иерархизма, божественного совершенства, порядка и гармонии¹⁶⁰. Человек утрачивает то иллюзорное центральное положение, которое отводило ему религиозно-мифологическое мировоззрение, но взамен получает новое ценностное обоснование и новую власть над предметным миром, вытекающие из его реальной природы и познавательных возможностей.

Развитие науки и техники на заре Нового времени породили представление о разуме как о всемогущем инструменте, для которого нет ничего невозможного. Выражением этого представления стали изречения Ф. Бэкона «Знание – сила» и Р. Декарта «Я мыслю – следовательно, я существую». На рубеже XVII-XVIII веков такое представление привело к убеждению, что разум и только разум может изменить существующий порядок вещей, в том числе и отношения между людьми. Философы этого времени были убеждены, что все несправедливости, заложенные в устройстве современного им общества, имеют причиной обычное мракобесие и невежество, следовательно, для исправления положения достаточно просто сформировать новое мировоззрение и мироощущение человека путем привития ему идей добра, справедливости, а также распространения науч-

---

¹⁶⁰ Койре А. *Очерки истории философской мысли*. М.: Едиториал УРСС, 2004. 272 с.

ных знаний. Это идейное течение стало основой культуры Просвещения.

Просвещение стало продолжением традиций не только гуманизма, но и протестантизма, от которых оно унаследовало идеи политической свободы и свободы совести. Основным стремлением мыслителей этого времени было найти путём деятельности человеческого разума естественные принципы человеческой жизни (например, естественная религия и естественное право). Естественное право просветители рассматривали как некое право, которое изначально заложено в природе человека; оно в отличие от права государственного никем не придумано и исходит из равенства всех людей от рождения.

С точки зрения разумных и естественных начал подвергались критике все исторически сложившиеся и фактически существовавшие традиции сословного общества. Отказавшись от традиций, XVIII век вынужден был все отыскивать и устраивать заново. Была сделана ставка на нового человека, свободного от наследия той или иной философской, религиозной или литературной традиции. В противовес выдвинутой Декартом концепции о «врожденных идеях», Локк утверждал, что не существует «врожденных идей», а поэтому нет и людей «голубой крови», претендующих на особые права и преимущества. Произведение Джона Локка «Опыт о человеческом разуме» стало своего рода манифестом эпохи Просвещения.

Просветители абсолютизировали значение воспитания в формировании нового человека. Деятели той эпохи казалось, что достаточно создать целесообразные условия для воспитания детей, и в течение одного-двух поколений все несчастья будут искоренены. Обретение самоосознания массовости можно связать с именем Руссо, декларировавшего возможность любого быть человеком культуры (поскольку ее идеал – естественность) и разработавшего специальную стратегию воспитания детей.

Просвещение изменило сознание огромной массы людей. Они, по словам Канта, вышли «из состояния своего несовершеннолетия»¹⁶¹. Философами был задан новый идеал человека. Этот новый европейский человек верил в себя и свой разум, не абсолютизировал традиции и был свободен от влияния любых авторитетов.

Таким образом, почва для усиления динамики подсистемы массовости была подготовлена.

---

¹⁶¹ Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т.6. С.25-36.

XIX век – это пора зрелости европейской культуры Нового времени. Общество в разных странах осознает необходимость сделать просвещение более доступным для широких слоев населения. Развивается сеть школ и профессиональных учебных заведений, расширяется контингент студентов университетов и институтов. Общеобразовательный и культурный уровень масс быстро повышается. Грамотность становится культурной нормой¹⁶².

Но в то же время в европейском обществе формируется новое понимание морали, которое точно выразил Дж. Ст. Милль: мораль – это «правила для руководства человеку в его поступках»¹⁶³.

Эти правила полезны, так как обеспечивают общее счастье, которое как бы «складывается» из частных благ. Добродетель при этом не самоценна, а ценна в качестве средства для достижения счастья. Добродетельное поведение человека является наиболее нормальным, поскольку оно ведет к выгодному для всех состоянию общества, что выгодно и для любого члена этого общества.

Такое утилитарное понимание морали отражало умонастроение многих европейцев XIX века, особенно сильно утилитаризм проявлялся в доминирующем слое буржуазии. Добропорядочность, добродетельное поведение, выполнение элементарных нравственных правил, соблюдение приличий было характерным для жизни буржуа. Всякие отступления от этого достаточно жестко осуждались. И поскольку в основе правил, норм были разум и польза, это упорядочивало жизнь, упрощая решение сложных нравственных проблем.

Массовое распространение техники потребовало принципиального изменения человеческого мышления. Уменьшается роль антропоморфных образов, гуманитарных принципов. Их оттесняет естественнонаучный подход к миру, природе, обществу, человеку. Мышление приобретает абстрактный характер. Новые принципы социально-технологической организации деятельности охватили не только крупную индустрию, но и распространились на все сферы жизни, в том числе и духовную. В итоге духовная культура превращается в индустрию массового сознания, и активно развивающийся процесс урбанизации усугубил ситуацию. В города

---

¹⁶² *Большаков В.П., Завершинский К.Ф. Своеобразие культуры Нового времени в ее развитии от Ренессанса до наших дней. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2000. 144 с. URL: <http://www.vipstudent.ru/index.php?q=lib&r=10&am...> (дата обращения 26 декабря 2009).*

¹⁶³ *История этических учений / под ред. А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. 911 с.*

хлынул поток малограмотных людей с низким культурным уровнем.

Традиционная культура больше не могла конкурировать с интенсивно развивающейся в условиях индустриального общества городской культурой. Этот процесс был воспринят интеллигенцией и научными кругами как разрушение культуры в целом. Желание сохранить в стремительно меняющемся мире уходящий культурный опыт неизбежно привело к идеализации народа – носителя основных ценностей уходящей культуры. Народ как коллективная личность, имеющая единую систему ценностей и единую для всех жизненную программу поведения, противопоставлялся «массовому человеку со стертým индивидуальным началом»¹⁶⁴. При этой идеализации совершенно выпускалось из виду, что и человек массы, и идеализируемый народ по сути – две части одного целого. А только начавшая свое формирование массовая культура получила характеристики: низкая и вульгарная. Формируется устойчивое представление, что при «передаче от элиты к массе культура профанируется, "омассовляется", теряет свою подлинность»¹⁶⁵.

Таким образом, в истории западноевропейской культуры мы можем выявить следующую закономерность соотношения подсистем массовости и элитарности. В начале становления культурного этапа наибольшую активность проявляет подсистема элитарности. В ней вырабатываются новации и ценности, которые в дальнейшем передаются в подсистему массовости, упрощаются и распространяются на весь социум.

Экс-новации, потерявшие значимость для культуры в целом, утрачиваются. Однако если оказывается, что новация востребована и способна проявить себя на новом этапе культурного развития, то она снова возвращается в подсистему элитарности и начинает цикл заново, примером чему является такая характеристика античной культуры, как антропоцентризм. Невостребованный средневековьем, он «выпал» из набора характерных черт культуры. Но итальянское Возрождение снова сделало антропоцентризм актуальным, вернув его в подсистему элитарности.

---

¹⁶⁴ Костина А.В. *Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «Баланс интересов в современном обществе»*. М.: Либроком, 2009. С.159.

¹⁶⁵ Ашин Г.К. *Ложная дилемма буржуазной культурологии (Элитарная и «массовая» культуры) // Вопросы философии. 1983. № 7. С.149.*

2.4 Массовая культура как новая модификация подсистемы массовости

Логика развития западноевропейской культуры, сформированная еще в недрах Итальянского Возрождения, неизбежно должна была привести к серьезным изменениям в структуре самой культуры. Традиционно из века в века доминантность домена элитарности признавалась всеми и не оспаривалась. Ни народная культура, ни культура городская не претендовали на лидерство и не опровергали мнение о своей «вторичности». Смена культуuroобразующих форм коренным образом повлияла на соотношение бинарно сопряженных дифференциаций культуры. Ориентированная на коллективность, но опирающаяся на иерархичность, религия способствовала сохранению примата подсистемы элитарности в развитии западноевропейской культуры. В то время как наука, не признающая авторитетов и иерархий, единственная из форм культуры, основанная на идее прогресса, своими открытиями снявшая с повестки дня проблему борьбы за существование, сформировала новые отношения внутри европейского социума, основанные не на иерархии, а на гуманном подходе к каждому члену общества. Масса, которая в начале века пугала философов, в конце века была реабилитирована.

В истории культуры XX века взаимоотношения подсистем массовости и элитарности основываются на двух тенденциях:

1 В домене массовости формируется новая культура, вытесняющая традиционную народную культуру на периферию культурного пространства. Эта новая – массовая – культура отличается тотальностью и непривычной активностью.

2 Многие исследователи указывают на стирание границ между элитарностью и массовостью в современной культуре.

Характерно, что массовая культура рассматривается при этом в оппозиции не с народной, а с элитарной культурой и оценивается именно с элитистских позиций. Так, еще Х. Ортега-и-Гассет писал, что «комплекс самодостаточности», амбициозность и полуобразованность позволяют человеку массы требовать свою долю благ культуры, причитавшихся ему в силу специфически понимаемого «равноправия», а к элитарному сознанию относиться инструментально – как к необходимому для поддержания функционирования цивилизации, удовлетворяющей его потребности. При

этом формальное равенство прав и возможностей, не подкрепленное культурным равенством, приводит к существенному снижению общего уровня культуры¹⁶⁶.

Однако, поскольку и народная, и массовая культура принадлежат к домену массовости, они должны обладать общими качествами, появляющимися в характере приобщения к аксиологической системе каждой из них.

Вхождение как в народную, так и в массовую культуру осуществляется не на индивидуальном уровне, а на уровне коллектива – народа и массы¹⁶⁷. И в первом, и во втором случае для вхождения в определенную традицию требуется коммуникация. Причем в отличие от элитарной культуры коммуникация эта будет не опосредована текстом, но будет непосредственной, прямой и контактной, представляющей «как обмен прецедентными текстами, определяющими социорольевые позиции каждого из участников»¹⁶⁸. И вне зависимости от того, каков способ этой коммуникации (традиционный «лицом к лицу» или опосредованный сетевой), для первой и для второй свойственны неформальность, спонтанность и анонимность.

Социальная прагматичность народной и массовой культуры формирует те их качества, которые указывают на общность генетического родства этих двух типов культур, позволяя нам утверждать, что массовая культура, это образование, принадлежащее к домену массовости. Этими качествами являются отсутствие инновационности, вариативность, доступность, реализующаяся через игровой характер и заданность сюжетных и стилистических конструкций, отсутствие ярко выраженного личностного начала.

Эти характеристики свидетельствуют о том, что и народная, и массовая культура выполняют в социуме совершенно определенные, особые функции, выступая в качестве фактора стабилизации общественной системы, механизма инкультурации и, следовательно, социализации человека, обеспечивая трансляцию тех значений и качеств культуры, которые являются для данной системы смыслообразующими. Тем самым функци-

---

¹⁶⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия. Культура. М.: Искусство, 1991. С. 315-319.

¹⁶⁷ Быкова Э.В. Культура народная, элитарная и массовая // Культурология как общая теория культуры. М.: МГИЭМ, 2002. С. 15-64.

¹⁶⁸ Костина А.В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «Баланс интересов в современном обществе». М.: Либроком, 2009. С.166.

онирование народной, а теперь и массовой культуры позволяет социокультурно значимой информации проникать в самые широкие слои населения и участвовать в формировании, уточнении и корректировке картины мира. Тот же механизм трансляции задает вектор развития как субкультур, так и каждого отдельного индивида, являющегося частью данной культуры.

Однако, если бы народная и массовая культуры были бы абсолютно идентичны, домену массовости не потребовалось бы «смены состава».

А.В. Костина видит это различие в том, что народная культура выступает как оптимальная и единственно возможная система отбора, сохранения и трансляции информации, существование которой являлось необходимым условием для поддержания и жизнеспособности, стабильности и возможности развития общества на определенном этапе социально-исторического развития, в то время как массовая культура не обладает способностью выступать в качестве инструмента познания мира¹⁶⁹.

Однако в этом утверждении А.В. Костиной кроется определенное противоречие. Действительно, традиционная культура обладала всеми вышеуказанными характеристиками, но только, как правильно было замечено, применительно к определенному (то есть «своему») этапу культуры. Обеспечить функционирование современной культуры переходного к постиндустриальному обществу периода культура народная оказалась не в состоянии¹⁷⁰. Следовательно, если рассматривать феномен массовой культуры в ракурсе эволюции европейской культуры Нового времени, приведшей к эволюции подсистемы массовости, то ситуация представляется вполне понятной: «...массовая культура – это нормальная и естественная, даже единственно возможная форма культурного бытийствования того социального порядка, который на сегодняшний день считается наиболее прогрессивным и передовым. Она – выражение той социальной модели, которую... мы пытаемся реализовать в нашем отечестве. Поэтому “сопротивление бесполезно”. Брань – непродуктивна. Игнорирование – не умно»¹⁷¹.

Беспрецедентное, пусть и скрытое ураганным развитием массовой

---

¹⁶⁹ Костина А.В. *Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «Баланс интересов в современном обществе»*. М.: Либроком, 2009. С. 167-168

¹⁷⁰ Bell D. *Notes on the Post-Industrial Society // The public Interes*. 1967. № 7. P. 20-23.

¹⁷¹ *Массовая культура России конца XX века. Ч. I / под ред. В.Е. Васильевой, Е.Г. Соколова*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 5.

культуры доминирование подсистемы элитарности, производящей ежедневно новацию за новацией, не способно было реализоваться для основной части населения посредством циклически ориентированной традиционной культуры. Результатом изменения динамики домена элитарности и стало появление нового вида культуры в домене массовости.

Но здесь важен и еще один момент. Насколько правомерно сравнивать существующую веками и усовершенствованную за этот период народную культуру и культуру массовую, чье существование в пространстве культуры едва-едва исчисляется столетием. Уже сегодня многие исследователи указывают на то, что современная массовая культура претерпевает серьезные изменения¹⁷², а значит, выносить ей окончательный вердикт еще рано.

Многие ученые четко разделяют субъект народной и массовой культуры. Вместе с тем полной ясности относительно проблемы соотношения народа и массы не существует. Обычно принято считать, что народ – это объективная общность, имеющая единую картину мира (систему ценностей, жизненную стратегию, поведенческие стереотипы), а масса – это совокупность разобщенных и атомизированных субъектов, выступающих в качестве безличного коллектива¹⁷³. Но социологи давно доказали, что для любой большой общности (а народ, без сомнения, одна из самых больших общностей) характерно деление на страты, обладающие собственными картинами мира, т.е. народ – это в значительной мере «воображаемое сообщество»¹⁷⁴.

Как справедливо замечает один из исследователей массовой культуры Е.Г. Соколов, под понятие «народ», искусственно сконструированное с помощью идеологии и власти, подгоняется разнообразная социальная реальность. «Тот народ, о котором говорили братья Шлегель, или на который ссылались братья Гримм, не существовал вовсе. Излишне говорить, что “не для народа” писаны “подлинно народные” опусы Гете, Пушкина, Толстого и пр. Да и не народом читаны. Народность выцеживалась не из “реальных практик”, выкристаллизовывалась не как результат “среднестатистической обработки аутентичного материала”, но из “базовой договоренности” относительно позиции “народность”, которая потом, с тем или

---

¹⁷² Тоффлер Э. *Шок будущего*. М.: АСТ, 2003. 290 с.

¹⁷³ Межуев В.М. *Философия культуры. Эпоха классики: Курс лекций*. М.: МГУ, 2003. С. 39-41.

¹⁷⁴ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма*. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 30.

иним успехом, интегрировалась в “народное сознание”»¹⁷⁵.

Народ традиционно рассматривается как средоточие всех положительных качеств, обыватель (или человек массы) – всех отрицательных, но при этом почему-то не учитывается, что реальным представителем «народа» является самый обыкновенный обыватель. В этой связи Е.Г. Соколов приводит характерное высказывание Р. Вагнера о том, что народ – «подлинный творец всего искусства», и Вагнера же негодование по поводу «праздной, ханжеской, лукавой, жаждущей лишь услаждения» публики, а также отмеченное А.И. Солженицыным (в «Раковом корпусе») разграничение на «народ, ради которого не жалко жизнь отдать», и «неимоверно раздражающее население»¹⁷⁶.

В то же время масса – это результат развития новоевропейского социального порядка, а «массовая культура – это состояние, а еще точнее – ситуация, культурная ситуация, соответствующая определенной форме социального устройства»¹⁷⁷. Именно поэтому массу нельзя отождествлять с какой-то определенной социальной общностью: в реальности массы как общности не существует (в отличие от толпы), точнее, ее существование возможно лишь в рассредоточенном по множеству атомизированных индивидов состоянии. Таким образом, противопоставление народа и массы представляется непродуктивным, а, следовательно, жесткого разделения субъектов народной и массовой культур не существует.

Некоторые исследователи указывают на то, что для нашего времени характерно размывание границ между элитарным и массовым, их взаимовлияние и перетекание друг в друга. «Компоненты массовой культуры, включенные в контекст элитарной культуры, выступают как элементы элитарной культуры; в то время как компоненты элитарной культуры, вписанные в контекст культуры массовой, становятся составляющими масскультура. В культурной парадигме постмодерна компоненты элитарной культуры и массовой культуры используются в равной мере как амбивалентный игровой материал, а смысловая граница между массовой и элитарной культурой оказывается принципиально размытой или снятой; в этом случае различие элитарной культуры и культуры массовой практически утрачивает смысл (сохраняя для потенциального реципиента

---

¹⁷⁵ Соколов Е.Г. *Аналитика массовой культуры: дис. ... д-ра филос. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 40.*

¹⁷⁶ Там же. С. 50.

¹⁷⁷ Там же. С. 64.

лишь аллюзивное значение культурно-генетического контекста)»¹⁷⁸. В частности, новой религиозности присущ так называемый «профанный эзотеризм», подразумевающий включение элитарных эзотерических концепций в контекст современной массовой культуры, или же, наоборот, «сакрализация» отдельных феноменов массовой культуры (например, иногда имевшее место в недавнем прошлом противопоставление «элитарной» рок-музыки презренной «попсе»).

Особый интерес вызывает соотношение массовой и городской культуры – более давнего компонента домена подсистемы массовости. В период расцвета традиционной культуры культура городская и культура народная существовали достаточно автономно, пересекаясь лишь в ситуациях, рассчитанных на особо активное появление массовости, как, например, в дни карнавала. Но постепенно развитие экономики и становление индустрии производства сделало город более привлекательным для весьма значительного процента населения. Результатом стало активное развитие городской культуры и фактическое аутсайдерство культуры народной.

Иную ситуацию мы можем наблюдать сегодня. Появившись в качестве части домена массовости совсем недавно, массовая культура заявила себя в качестве абсолютной тотальности, поскольку важной частью ее аксиологической системы стала ценность удовольствия¹⁷⁹. Тотальность массовой культуры привела к тому, что она охватила своим влиянием городскую культуру, став абсолютной доминантой домена массовости.

Таким образом, мы стали свидетелями парадоксальной ситуации: с одной стороны, ни у кого не вызывает сомнения эффективность и «вездесущность» массовой культуры (в том числе – у ее критиков), а с другой – многие исследователи в качестве главного минуса массовой культуры называют ее примитивизм, бездуховность, низкопробность и т.д. И вот что интересно: обычно нарекания вызывает не вся массовая культура, но лишь ее часть – массовое искусство. Массовая культура в «структурах повседневности» (бытовая техника, комфортная мебель, современная одежда) ни у кого не вызывает осуждения. Вместе с тем «совершенно очевидно, что удобные дороги и ухоженные газоны, равно как фарфоровые зубы и бесперебойная электронная связь не могут подлинно (а не случайно-

---

¹⁷⁸ Кондаков И.В. *Элитарная культура // Культурология. XX век: Энциклопедия: в 2 т. СПб.: Алетейя, 1998. Т.1. С. 387-388.*

¹⁷⁹ Gans H.J. *Popular culture and high cultura // An analysis and Evaluation of Taste. N.-Y., 1974. 409 p.*

формально) соседствовать в культуре с Сикстинской капеллой и «Реквиемом» В.А. Моцарта. Ибо данные явления – разных культурных порядков, разных экзистенциальных стилистик»¹⁸⁰. Поэтому можно предположить, что реальной альтернативы массовой культуре сегодня нет: даже ее принципиальные критики вряд ли захотят отказаться от удовольствия комфорта, образно говоря, «удобных дорог» и «бесперебойной электросвязи», то есть от всего положительного и ценного, что было выработано европейской культурой Нового времени (либеральной демократии, развитой науки и техники и т.п.) и что, безусловно, следует сохранить и на следующем витке развития культуры и общества.

Возникает вполне закономерный вопрос: если сегодня массовая культура вызывает такое обилие критики со всех сторон, можем ли мы одновременно или в ближайшем будущем заменить ее на какой-нибудь иной вариант домена массовости? На каждом этапе общественного развития культура предлагает социуму тот вариант массовости, который ему необходим, поскольку наиболее полно способен удовлетворить все насущные потребности. Следовательно, смена массовой культуры на новый вариант транслятора новаций возможна в ближайшем будущем только в том случае, если само общество станет демассифицированным, то есть произойдет дезинтеграция всей современной социокультурной системы, отказ от науки и техники, ценностей либерализма и демократии, что вряд ли автоматически приведет к повышению духовности¹⁸¹.

Таким образом, результатом резкой смены доминантных форм подсистемы массовости может стать формирование «нового средневековья» (причем не в идеализированном варианте современных ролевиков). Новое общество может стать обществом «нового варварства»: обществом, распавшимся на множество кланов и мелких сообществ, противостоящих друг другу, внутри каждого из которых царит неуверенность, постоянно растет преступность – и все это на фоне разрушенной социальной инфраструктуры, экологического кризиса и т.п.¹⁸² То есть любая искусственная попытка замены одного вида культуры другим, без учета уровня ментальности основной части социума, будет обречена на провал. Сегодня нам

---

¹⁸⁰ *Массовая культура России конца XX века. Ч. I / под ред. В.Е. Васильевой, Е.Г. Соколова. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 7.*

¹⁸¹ *Рыжов Ю.В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. М.: Смысл, 2006. 328 с. URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_index.shtml (дата обращения 13.05. 2010).*

¹⁸² *Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 259-268.*

пришлось бы выбирать между массовой культурой со всеми благами современной цивилизации и «новым варварством» без массовой (равно как и любой другой) культуры.

Будучи частью домена подсистемы массовости, массовая культура берет на себя и все присущие этому домену функции. Одной из таких функций, как уже отмечалось, является «хранение» культурных рудиментов. Так, например, именно с массовой культурой связан феномен новой религиозности, то есть любой системы взглядов и действий, которой придерживается индивид или группа людей и которая дает индивиду/группе систему ориентации и объект поклонения¹⁸³.

Процесс перехода религиозности в домен массовости был запущен началом секуляризации культуры – итальянским Возрождением. По словам О.А. Седаковой, «со времен гуманизма и Возрождения творчество, и особенно художественное творчество было своего рода “параллельной религией”, “светским культом” со своими “подвижниками”, “святыми” и “мучениками”, которым, как Шопену или Пушкину, Ван Гогу или Микеланджело, принадлежало совершенно особое место и в сердце частного человека, и в сердце народа»¹⁸⁴. Искусство всегда играло особую роль в развитии культуры. Именно оно первым реагировало на большинство переживаемых культурой изменений. Эмоционально ориентированное искусство способно оказывать очень сильное воздействие на человека. Кризис религии и кризис позитивизма (истолкованный как кризис науки) привел в XX веке к резкому возрастанию значимости искусства, особенно массового.

В современной массовой культуре эти «святые» легко превратились в «идолов» и «кумиров», и их почитатели приносят им в жертву свои помыслы, время, деньги, а иногда и жизнь, посвящая ее сопровождению кумира в надежде получить знак внимания и быть причастным к его жизни. А. Генис справедливо считает, что «массовая культура всегда пестовала свою, специфическую религиозность... Такой мистический Бог особенно близок массовому искусству, потому что оно изначально, по самой своей природе близко к первобытному пралогическому мирозерцанию. Популярное искусство никогда далеко не отходило от общего архаического ис-

---

¹⁸³ Рыжов Ю.В. *Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве*. М.: Смысл, 2006. 328 с. URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_index.shtml (дата обращения 13.05. 2010).

¹⁸⁴ Седакова О.А. *Благословение творчеству и парнасский атеизм // Новая Европа*. 2000. №13. С. 18.

точника нашей культуры. Оно было резервуаром мифологических образов и представлений. Это своего рода отстойник, куда стекали иррациональные отходы цивилизации, по мере того как она становилась все более рациональной. Там, в нижнем, подвальном этаже культуры, скопились ненужные атрибуты мистического мировоззрения – суеверия и приметы, обряды и ритуалы, слухи и легенды. Отсюда массовое искусство черпает архетипические мифологические образы, которыми оно щедро засеивает свои уголья – комиксы, кинобоевики, телесериалы, бульварную прессу, витрины, гороскопы, видеоклипы, рекламу, моды»¹⁸⁵.

Таким образом, массовая культура – проявление домена массовости. Она возникает в конце XIX века и постепенно замещает народную культуру и вытесняет на второй план культуру городскую. И народная, и массовая культуры принадлежат к домену массовости, поэтому они обладают общими качествами, проявляющимися в характере приобщения к аксиологической системе каждой из них. Однако некоторая идеализация народной культуры привела к упрощению трактовки массовой культуры.

Пребывая частью домена массовости, массовая культура несет в себе характерные свойства матричной подсистемы. Так, например, массовая культура является хранительницей культурных рудиментов. В XX веке частью массовой культуры становится религиозность. Для расширения поля влияния массовая культура придает ей такие свойства, как плюрализм и упрощение.

Следовательно, наблюдаемые нами в XX веке принципы взаимоотношения элитарной и массовой культур соответствуют закономерностям взаимодействия бинарно сопряженных дифференциаций элитарности и массовости. Однако в конце этого столетия данные закономерности подверглись серьезным корректировкам. Обусловлены эти процессы были теми глобальными переменами, которые переживала среда бытования культуры, то есть социум, в 80-90-х годах XX века мы стали свидетелями качественных преобразований общественной жизни в индустриально развитых странах Запада. Процессы глобализации и информатизации привели к революционным изменениям в структуре социума, в его экономической и политической, а следовательно, и культурной жизни.

---

¹⁸⁵ *Генис А. Вавилонская башня: искусство настоящего времени: эссе. М.: Независимая газета, 1997. С. 187-188.*

2.5 Корректировка принципов взаимодействия дифференциаций элитарности и массовости в современной культуре

Долгая история человечества выработала принципы организации общества – вертикальную иерархическую структуру – необходимое условие функционирования аграрной культуры. Ее поддерживала система ценностей, осуждавшая социальную мобильность. Главным источником и критерием богатства была земля, запас которой на своей территории, как правило, неизменен: единственный способ (помимо внешних захватов) стать богатым состоял в том, чтобы присвоить землю, принадлежащую кому-то другому, для чего могло потребоваться убить владельца. Такое внутреннее насилие угрожало выживанию общества и поэтому подавлялось нормами, которые делали упор на приятии статуса, данного человеку рождением¹⁸⁶.

Возникновение материалистической системы ценностей, не только терпимой к экономическому накоплению, но и поощрявшей его как нечто похвальное и героическое, знаменовало ключевую культурную перемену, открывшую путь капитализму и индустриализации. Индустриализация и экономическая система капитализма привели, казалось бы, к окончательному закреплению определенной системы социальных классов, ставшей одним из наиболее важных элементов социальной структуры и социальной дифференциации. Общество представлялось как нечто целое, образовавшееся посредством дифференциации и интеграции, а все элементы этого целого были взаимосвязаны и взаимозависимы, то есть образовывали определенную функциональную и иерархическую структуру.

И действительно, в индустриальном обществе, главной сферой которого была экономика, мы могли наблюдать четкое разделение членов общества на различные социальные группы, главными из которых были большие группы людей – классы. Традиционно представители каждого класса вели определенный образ жизни, придерживались определенных норм, ценностей и имели определенные культурные ориентации. Но уже в современных обществах классы не имеют столь важного значения. Социальная структура в таких обществах является более фрагментированной и сложной при целом ряде источников дифференциации, включающем не

---

¹⁸⁶ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6-32.

только класс, но и гендер, этничность и возраст. Структуру современных обществ скорее можно описать как горизонталь, а не вертикаль. Так формируется новый тип социума, для определения которого ученые предлагают и новые понятия: «постмодерное общество» (А. Этциони), «не – общество» (А. Турен), «постиндустриальное общество» (Д. Белл).

Первое и главное изменение, претерпеваемое социумом, состоит в своеобразном «окультурировании» человеческой жизни. Если индустриальное общество в качестве главной цели определяло стремление обеспечить физическое выживание человека (производство материальных благ, их локальное распространение, накопление и потребление), то постиндустриальное в качестве повестки дня заявило вопрос об уровне жизни. Отныне новые формы социального неравенства базируются в большей степени на интеллектуальных, нежели на материальных условиях, а экономика утрачивает свой статус доминирующей подсистемы общества, задающей условия и правила функционирования всем остальным подсистемам. Ее место координатора занимают две другие подсистемы – недавно организованная телекоммуникационная система и система образования¹⁸⁷. Телекоммуникационная система создает для человека возможность «непосредственного членства» в обществе без посредничества каких-либо групп или страт, а «почти доминирующая» система образования становится господствующим фактором стратификации, статусной принадлежности, фундаментальной основой социализации индивида¹⁸⁸ в противовес критерию обладания средствами производства.

Общество теряет черты тотальности, выстроенности в соответствии с той или иной моделью, оно становится совокупностью локальных, иногда самопроизвольных процессов. Нестабильность, неопределенность и многозначность развивающихся в социуме процессов рассматривается не как проявление патологии системы, а как признак и условие ее жизнеспособности. Разнообразие элементов в системе делает ее устойчивой к многовариантному будущему¹⁸⁹. Классовая структура заменяется статусной иерархией, которая формируется уже на основе образования, уровня культуры и ценностных ориентаций. Именно культурная идентичность становится основой системы социальной иерархии и группообразования. Ось

---

¹⁸⁷ Тоффлер О. *Метаморфозы власти*. М.: АСТ, 2004. 672 с.

¹⁸⁸ Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования*. М.: Academia, 1999. 956 с.

¹⁸⁹ Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна*. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

противостояния пролегает теперь не по линии обладания или необладания собственностью, а по линии доступа и обладания (или необладания) образованием и контролем над информацией¹⁹⁰.

Переход от вертикальной структуры общества к горизонтальной неизбежно влечет за собой качественные изменения таких его структурных единиц, как элита и масса.

В современном обществе, тратящем все свои силы на процесс организации, активность элиты смещается в сферы политики и бюрократии, тогда как элита, ориентированная на сферы науки, искусства и религии и традиционно игравшая важную, зачастую определяющую роль в развитии социума, сегодня, если не отсутствует совсем, то обладает минимальной значимостью для большинства населения¹⁹¹. Но и представители управленческой элиты уже не являются элитой «в прежнем смысле», то есть группой, созидающая культуру. «Хотя они тратят значительные суммы на поддержку науки и искусства, как класс они такие же потребители «культурного благосостояния», как и те, для кого оно предназначено»¹⁹².

Интеллектуалы – эта новая элита современного общества – видоизменили и еще одну характеристику – традиционно отличающую элитарный слой: высокие эстетические потребности. Современная элита в большинстве своем ориентирована на научно-техническую составляющую культуры. Многомерное представление о мире, включающее в себя обязательный гуманитарный компонент, было заменено получением узконаправленных знаний, необходимых для повышения эффективности производства.

В то же время появление новых, кардинально отличающихся от предыдущих социокультурных реалий дает основания говорить о фундаментальных сдвигах применительно не только к элите общества, но и к «простому» человеку: его отношения к самому себе и ко всему окружающему подверглись серьезной корректировке.

Еще 30-50 лет назад жизненный путь индивида, его культурные ориентации определялись в первую очередь тем, к какому классу или социальному слою он принадлежит, и лишь во вторую – его личными способ-

---

¹⁹⁰ Толкачев С.А. Постмодерн как мировоззрение перманентного кризиса // Интернет-журнал «Капитал страны». 11.11.2008. URL: http://www.kapital-rus.ru/strateg_invest/element.php?ID=7765 (дата обращения 12.06. 2011).

¹⁹¹ Мангейм К. Очерки социологии знания: проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. 164 с.

¹⁹² Фромм Э. Психоанализ и этика. М., Республика, 1993. С. 242.

ностями. Доступность высшего образования и заинтересованность в нем позволили «человеку массы» переориентировать эту ситуацию. «Многомерный человек» постиндустриального общества может выбирать и строить по своему усмотрению те социокультурные отношения, в которые он вступает с другими людьми. Доминирующая роль культурных факторов проявляется в эстетизации повседневной жизни¹⁹³, а жизнь индивида во все большей степени рассматривается как эстетический или культурный проект¹⁹⁴. Изменениям подверглась и аксиологическая ориентация человека. Основываясь на данных наблюдений, проведенных американским Национальным демократическим институтом международных отношений (НДИ) более чем в сорока государствах, в том числе странах-членах Европейского Союза, в течение 25 лет (с 1970-го по 1995-й годы), мы можем утверждать, что если в основе аграрной и индустриальной культур лежали ценности выживания, то современная культура появляется благодаря «постматериальным» (постматериалистическим) ценностям, которые характеризуют качество жизни, в том числе возможности культурного самовыражения¹⁹⁵.

Таким образом, в конце XX века мы столкнулись с феноменом принципиального переустройства структуры и функционирования социума: общество утрачивает вертикальную направленность, большая часть элиты – узко ориентированные специалисты, которые не производят, но только потребляют культурный продукт, в то время как повысившая свой образовательный уровень масса «впитывает» новую для нее систему ценностей, в которой творческой самореализации отводится не последняя роль. А поскольку именно социум является средой бытования культуры и, следовательно, определяет ее развитие, то вполне закономерно будет предположить, что корректировке подвергнется и принцип взаимодействия бинарно сопряженных дифференциаций культуры – подсистем элитарности и массовости. Доказательство этому – процесс диффузии элитарной и массовой культур, свидетелями которого мы сегодня являемся.

---

¹⁹³ Лелеко В.Д. *Эстетизация повседневной жизни постмодерна и эстетика повседневности // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века: материалы научной конференции 10 октября 2001 г. / Серия «Symposium». СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Вып. 16. С.34-36.*

¹⁹⁴ Анисимова С.Г. *Личность в постиндустриальном обществе: транзичия через аномию // Вестник ЯГУ. 2008. Т. 5. С. 86.*

¹⁹⁵ Гидденс Э. *Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003. 528с. URL: <http://www.twirpx.com/file/256477/> (дата обращения 16.06. 2011)*

Современная культура чужда какой бы то ни было линейности в развитии. Идеи хаоса и множественности стали ключевыми для ее понимания. Децентрация – одно из понятий, выявляющих анатомические свойства хаоса – раскрывает внутренние предпосылки плюралистичности современной культуры и делает объяснимыми многие происходящие в ней процессы.

Традиционная «центристская» ориентация развития культуры устанавливала шаговый принцип взаимодействия бинарных сопряженных дифференциаций культуры, где первый шаг выполняла элитарная подсистема. Именно эта подсистема, будучи созидающей, рассматривалась как узловая, определяющая развитие культуры как таковой. Однако децентрация современной культуры поставила под вопрос представления о некоем узле культурного развития, объявив равноправие всех видов культурных подсистем.

Французский философ Ж. Деррида в своей работе «Структура, знак и игра в дискурсе о гуманитарных науках» проанализировал соотношение категорий центра, структуры и системы и пришёл к выводу о том, что «функцией центра является не только ориентировать, балансировать и организовывать структуру, но, прежде всего, гарантировать, чтобы организующий принцип структуры ограничивал то, что мы можем называть свободной игрой структуры. То есть центр является уникальным уже по определению и представляет собой в структуре именно то, что управляет этой структурой, в то же время само избегает структурности. Он парадоксальным образом находится внутри структуры и вне ее, находится в центре целостности и, однако, ей не принадлежит, эта целостность имеет свой центр где-то в другом месте»¹⁹⁶. Таким образом, согласно концепции Ж. Дерриды, «центр» структуры постулируется извне и имеет субъективный (по отношению к самой структуре) характер. Из этого тезиса, на наш взгляд, можно сделать чрезвычайно важный вывод. Во-первых, если центр определяется извне, то ключевую роль в его определении может играть только социум. Децентрация социума провоцирует аналогичный процесс в структуре культуры. Во-вторых, если наличие центра не является единственно возможной для структуры константой, значит, структура может совсем отказаться от него и перейти в состояние хаоса или децентрации.

---

¹⁹⁶ Деррида Ж. *Структура, знак и игра в дискурсе о гуманитарных науках // Письмо и различие. СПб. : Академ-проект, 2000. С. 353.*

Следовательно, культура, пока этого «требуется» социум, может ориентироваться в своём становлении и развитии на несколько одновременно существующих центров (то есть быть плюральной, множественной), а это, в свою очередь, означает изменение во взаимодействии подсистем массовости и элитарности.

Во второй половине XX века массовая культура окончательно утверждает тотальность как свою типическую черту: всеобщий характер ее бытования определил быстрое расширение сферы влияния до подавляющей части аудитории. Возникает такое явление, как «культуриндустрия», и к массовой культуре стали применимы такие понятия, как «производство» и «промышленные масштабы». Новое функциональное значение обретает и язык массовой культуры. Сегодня это знаковая доминанта культурной ситуации¹⁹⁷, именно в язык массовой культуры закладывается функция интерпретационной семиотической системы координат, требующей его особого прочтения. Однако, как уже отмечалось ранее, это лидерство массовой культуры носит эксплицитный характер, в то время как такие важные характеристики современного этапа культуры, как кризисность и переходность, указывают на имплицитное лидерство культуры элитарной.

Массовая культура, которая изначально определялась как клишированная, плоская, тривиальная, в современной культуре подвергается деконструкции. Современная культура имеет тот уровень доступа (декодирования, понимания), который реализует и предвосхищает ожидания как массового, так и элитарного потребителя. С одной стороны, тексты «высокой» культуры благодаря интертекстуальным связям обретают большую знаковость для потребителя, способного их уловить и вступить в интеллектуальную игру с текстом, реализовав свое видение мира. С другой стороны, посредством гипертекста они оказываются адаптированными и для массового человека и получают знаковость, приближающую их к элитарному дискурсу.

Таким образом, в культуре XX – начала XXI века серьезные качественные изменения социума – среды бытования культуры, провоцируют корректировку принципов взаимодействия бинарных сопряженных дифференциаций культуры – подсистем элитарности и массовости.

---

¹⁹⁷ Санькова А.А. *Картина мира постмодернистской литературы: типология массового и элитарного: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 206 с.*

Заключение

Заканчивая рассмотрение элитарности и массовости как бинарных сопряженных дифференциаций культуры, подведем итоги всему сказанному ранее и обозначим возможные тенденции развития взаимодействия этих подсистем.

Мы рассматривали элитарность и массовость как бинарные сопряженные дифференциации или подсистемы, возникшие в процессе генезиса культуры. Таким образом, мы снимаем вопрос о времени возникновения массовой культуры. Принципы взаимодействия этих подсистем объясняются внутренней логикой развития и функционирования культуры как сложной системы.

Однако, выступив антитезой природному бытию, культура в качестве среды бытования ориентирована на социум. Поскольку главным управляющим потоком эволюции является поток информации, следовательно, социум в отношении культуры выступает как некий информационный потенциал, опосредующий эволюцию культуры. Все качественные трансформации, происходящие со структурой социума, провоцируют те или иные изменения в эволюции культуры. Таким образом, закономерности взаимоотношений подсистем культуры будут иметь в своей основе две причины. Отдавая приоритет одной (поскольку она менее изучена), мы не имеем права забывать о другой.

Деление на подсистемы элитарности и массовости не подразумевает автоматического деления уровней культуры на высший и низший. Домен массовости, в силу своих функций, не может не включать в себя явления культуры низкого качества. Но акцентирование внимания лишь на этом различии было бы упрощением специфики функциональной асимметрии культуры. В контексте данной работы понятие «масса» равно понятию «основная часть населения», что позволяет использовать как качественные, так и количественные характеристики, а применительно к этим феноменам культуры качественные и количественные характеристики могут не совпадать.

Элитарность и массовость это адаптивно эволюционирующие подсистемы, регулирующие пластичность культуры для эффективной эволюции в изменчивой среде. Главной характеристикой эволюции культуры являются степени изменения и сохранения. Эволюция культуры формирует элитарность как оперативную подсистему, отвечающую за перспективу развития культуры, а массовость – как консервативную подсистему, сохраняющую основные качества культуры.

В домене элитарности локализованы эволюционно молодые идеи и функции, а в домене массовости – старые. Их специализация по консервативным и оперативным аспектам эволюции позволяет, одновременно улучшая обе, увеличивать устойчивость системы в целом. Повышенная динамика элитарной подсистемы и пониженная динамика массовой подсистемы при сохранении пространственной доминанты элитарной подсистемы могла бы спровоцировать разрушение сферы культуры. Естественное стремление к самосохранению заставляет культуру изменять радиусы активности массовости и элитарности. Сегодня это выражается в эксплицитном лидерстве массовой культуры и имплицитном – элитарной.

Доминанта элитарности или массовости не является абсолютной, поскольку применительно к процессу эволюции культуры мы вправе говорить лишь о первенстве функции, а не подсистемы. Именно этой спецификой соотношений двух дифференциаций мы можем объяснить тот факт, что в один и тот же историко-культурный период мы можем наблюдать одновременное доминирование и аутсайдерство как подсистемы элитарности, так и подсистемы массовости.

Историческую динамику западноевропейской культуры мы можем представить через активность бинарно сопряженных дифференциаций элитарности и массовости. Каждый новый культурный этап проходит через триаду: период активности элитарной подсистемы формирует те новационные изменения, которые на втором этапе совместной активности бинарных дифференциаций элитарности и массовости станут достоянием всех носителей культуры, а опережающая активность подсистемы массовости на третьем этапе приведет к появлению новой формы реализации домена массовости.

В конце XX века мы столкнулись с феноменом принципиального переустройства структуры и функционирования социума: общество утрачивает вертикальную направленность, большая часть элиты – узко ориентированные специалисты, которые не производят, но только потребляют культурный продукт. Повышается образовательный уровень «массы», в ее аксиологической системе появляется ценность творческой самореализации. На современном этапе развития общество находится в процессе формирования новой иерархической структуры. Изменения среды бытования провоцируют корректировку принципов взаимодействия бинарных сопряженных дифференциаций культуры – подсистем элитарности и массовости.

Научное издание

Тишкина Елена Ивановна

**ЭЛИТАРНОСТЬ И МАССОВОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ
БИНАРНЫХ СОПРЯЖЕННЫХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЙ
В КУЛЬТУРЕ**

Монография

Редактор Н.М. Быкова

Подписано в печать 23.12.2014	Формат 60×84 1/16	Бумага, тип. 80 г/м ²
Печать цифровая	Усл. печ. л. 5,75	Уч.-изд. л. 5,75
Заказ 318	Тираж 100	

Редакционно-издательский центр КГУ.
640000, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.